

АНТОН

ЧИЖ

и Компания

ТОЛЬКО
на
ЛИТРЕС

**ТРОЕ
В КАРАНТИНЕ**
*и другие
неприятности*

сторис-
детектив

Евгения Ветрова
Марта Яскол
Антон Чиж

**Трое в карантине и
другие неприятности**
Серия «Сторис-детектив»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56228845

Аннотация

Варвара Ванзарова оказалась в центре новой европейской чумы – в итальянском городе Болонья. Все рейсы отменены, друзей-знакомых нет, потому Варя вынуждена поселиться в скромном отеле с названием в стиле ретро-кино. Но там ее ожидает уже совсем другой кинематограф – в соседнем здании колоритный мафиози убивает прекрасных девушек, и кроме Варвары никто этого не видит и не слышит...

Кира Богданова с детства мечтала играть в театре, и ее мечта исполнилась. Она попала на гастроли в Италию, но как всегда не вовремя – пандемия нарушила ее планы. Теперь вместе с трупной актерской она оказалась в обсерваторе где-то под Саратовом, и неизвестный убийца быстрее, чем опасная болезнь, принялся уничтожать артистов...

Для блогерши *Анастасии Коржуевой* самой большой неприятностью в жизни был сломанный ноготь и размазанный макияж. Теперь же, вернувшись из Милана, она вынуждена провести в вынужденном карантине две недели. Но супер-эксперта по косметике это совсем не пугает, сидеть в заточении она не собирается, чем и вызывает гнев участкового Фунтикова...

Пандемия и страшный вирус изменил жизни многих людей. Для кого-то самоизоляция стала благом и долгожданным отдыхом, кто-то по-новому взглянул на свою жизнь, здоровье, близких людей, но ясно одно: мир больше никогда не будет прежним...

Содержание

1 серия. Антон Чиж «Пульчинелла»	5
2 серия. Марта Яскол «Творческий почерк»	52
3 серия. Евгения Ветрова «Не совершай ошибку»	83
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Антон Чиж, Марта Яскол, Евгения Ветрова Трое в карантине и другие неприятности

1 серия. Антон Чиж «Пульчинелла»

...И все-таки Варвара *вляпалась* в карантин. Как сырник в сметану.

Переезжая по Северной Италии и замечая, как эпидемия нарастает и становится хуже, она еще понадеялась. Конечно, на авось. Авось не вывез, а подвел. Окончательно – в аэропорту «Guglielmo Marconi»¹. В который она примчалась, уже после объявления тотального карантин.

Стоило так спешить, чтобы узнать приятную новость: рейсы в Россию отменены. Все до одного.

Девушка на стойке информации, пряча доброту под маской, сообщила, что туристов будет забирать чартер. Когда – точно не известно. Не раньше, чем дня через три. Или четыре. Как прилетят, так сразу. Если не отсюда, то из Милана. Это же почти рядом. Триста километров, какие пустяки.

---

¹ Аэропорт имени Гульельмо Маркони.

В общем, Варвара застряла в Болоньи.

Всему виной была жадность. Не та жадность, что толкает девушку от бутика к распродаже. Варвара страдала редким и тяжким типом жадности: жадность научная. Попав по гранту в Италию, она, что называется, дорвалась, набирая еще и еще материалы для кандидатской диссертации. Как какой-нибудь жадина Панталоне. Или скупой рыцарь. И все равно казалось мало. Жадность, как известно, наказуема. Порой в России, иногда в Италии. И вот, возмездие: Варвара осталась бедной сироткой перед табло, на котором горел красный столб отмены вылетов.

Куда деваться? Города не знает, друзей нет. Ехать в Болонский университет, который стоял в планах – бесполезно. Все закрыто, студентов и преподавателей разогнали на карантин. Надо искать гостиницу. Хоть бы кто помог одинокой девушке...

Желающие нашлись сразу, стоило Варваре выйти на стоянку. Около ее кроссовок затормозило такси. Водитель на чудовищном итало-английском, спросил, куда синьорину подвести. Варвара ответила на слишком правильном итальянском, что нужен недорогой отел. Совсем скромный. Сраженный родной речью в устах туристки, водитель выскочил из машины, распахнул дверцу и элегантно зашвырнул дорожный баул в багажник.

В машине пахло смесью табака и дешевого одеколona. С зеркальца заднего вида свешивался вымпелок с сине-крас-

ными полосами, белым крестом и надписью «ВФС 1909». Полосатыми наклейками были украшены дверцы и приборная доска. Не иначе таксист ярый болельщик, тиффози.

Какое место занимает местный клуб в чемпионате Италии, играет ли в нем красавчик Рональдо, Варвара не имела малейшего представления. Футбол был последним пунктом списка ее интересов. Причем вписан самым мелким шрифтом.

Развернувшись на сидении, таксист обещал отвести в отличный отель с самыми выгодными ценами.

Варвара не питала иллюзий, на счет отелей, рекомендованных таксистами. Вежливо улыбнулась и ответила: «grazie!».

– Откуда приехала такая красивая девушка? – спросил водитель и подмигнул. Чего делать не стоило.

Варвара привыкла, что к ней подкатывали не только такси: такова судьба блондинки в кудряшках. Цвет и завитки были натуральными, то есть от природы и предков. В ней был смешан варварский коктейль кровей стольких народов, что ничего, кроме блонда или жгуче-черного вырасти не могло.

Блонд обогнал. Варвара была блондинкой. Милым котенком, которого рука тянется приласкать или обидеть. Вот только вид был обманчив. Глупый самец, посчитавший Варвару легкой добычей, быстро жалел об этом. Порой, жалел больно. Глупец видит внешность. А на ней не написано, кто

она такая. На Варваре вообще не было надписей. Она не носила футболок с принтами. Считая их выражением неуверенности и внутренних комплексов.

Варвара ответила, что приехала из Милана. Чтобы пресечь расспросы.

Такси резво тронулось, водитель завел разговор. Которого нельзя было избежать. Раз ее везли в «лучший отель в городе».

– Какие сериалы смотрите?

На вид таксисту было хорошо за сорок, без седины, одет в простую кожанку и клетчатую рубашку, тщательно выбрит, и не сказать, что злоупотребляет кьянти. Суда по потертому кольцу – давно семьянин. Наверное, дети взрослые. А, может, и внуки пошли. Такой дедушка-живчик. Все это Варвара провертела в голове почти машинально. Как проделывала с каждым незнакомцем, с которым дорога сводила больше, чем на десять секунда.

Она ответила, что редко смотрит телевизор.

– А я люблю кино! Старое кино... Оно было настоящим, не то, что нынешнее, – и таксист пустился в рассуждения, как велик был Бергман с Феллини, а как мелки по сравнению с ними нынешние «тарантины» и прочие «ридлискотты».

Варвара вежливо кивала, не вдаваясь подробности. Чтобы совсем не увязнуть в разговоре.

За окном проносились незнакомые улицы. Они въехали в район современных домов. Такси резко тормознуло у невы-

сокого трехэтажного особняка. То, что это отель, сообщила бронзовая табличка, на которой красовалось название: «Rocco e i suoi fratelli²».

Варвара невольно улыбнулась: куда же еще мог привезти старый кино-маньяк. Что не помешало содрать с ее визитки тройную цену за поездку. Таксист всегда таксист. Особенно, когда везет блондинку-туристку.

Варвара утешила себя мудростью: «не обманутый турист – не отдохнувший». Хотя туристкой себя не считала.

Помочь донести сумку она отказалась. Не от обиды. Варвара считала, что современная девушка должна показать, кто теперь в мире хозяин. А хозяин сменялся. Мир мужчин трещал по швам. Надо было подтолкнуть, чтобы рухнул окончательно. Сама Варвара толкала его не слишком усердно, но не отказывала себе в удовольствии наблюдать обиженные физиономии мужчин. Когда ущемляли их эго. И другие места в... В душе, конечно. Каких у мужчин – сколько угодно. Только они не догадываются об этом. Ну, ладно... Сейчас не об этом.

Варвара машинально запомнила номер такси, и подошла на ресепшен.

Ей поклонился портье с роскошной шевелюрой, подернутой сединой. Маска на лице скрывала возраст. Скорее – меньше тридцати. Судя по чистому лбу. Вместо фирменного пиджака на нем был обычный, только с бабочкой. Бейдж

---

² «Рокко и его братья», фильм Лукино Висконти.

сообщал, что к нему можно обращаться Аллен.

Холл был украшен кино-плакатами. Многие друзья Варвары о таких фильмах не слышали, полагая, что в древности, то есть в 40-50 годах прошлого века, люди влачили жалкое существование без смартфонов. С чем она была категорически не согласна.

Варвара сделала комплимент коллекции, заметив, что плакаты выглядят подлинными.

– Вы правы, синьорина, она настоящие, – портье чуть поклонился. – Все с блошиного рынка... Предпочитаете сладкую жизнь?

– Скорее, ночи Кабирии.

– И куда же корабль плывет?

– Где земля дрожит³.

– Bravo, синьорина, с меня коктейль!

Разговор мало понятный для друзей Варвары, которые без гугла не знают ничего, но во всем разбираются, доставил нежданное удовольствие. Вот бы еще и цены оказались такими же.

Из служебного помещения портье Аллен вернулся с подносом, на котором красовался бокал с красным мартини и оливкой.

Варвара чуть пригубила. Было вкусно, как вкусна победа, пришедшая щелчком пальчиков. Кстати, не маникюрных.

---

³ Варвара и портье обмениваются названиями знаменитых итальянских фильмов.

Варвара считала глупостью думать о красе ногтей. Она спросила номер дня на три, или четыре, до чартера.

Ален сообщил, что выбрать не из чего, у них остался один свободный, и назвал цену чрезвычайно выгодную.

Фантастика: таксист не обманул. В надежности своей кредитки Варвара не сомневалась. А с такими ценами и подавно. Да и куда тратить? Карантин.

– Живите, сколько нужно, – сказал Ален, принимая у нее паспорт. – Нас всех ждет тяжело испытание – карантин. Неизвестно, когда он кончится. Все очень плохо. Город закрывается... Если у вас закончатся деньги, поверю в кредит. Девушке, которая знает кино, нельзя не верить...

Варвара поблагодарила.

– У нас маленький отель, синьорина, и мы соблюдаем правила. Муниципалитет ввел драконовские ограничения, – и портье огласил запреты: выходить нельзя, гулять нельзя, контакты с соседями по номерам запрещены. Выходить на балкон тоже нельзя. И курить нельзя.

Ален попросил сдать на хранение зажигалку или спички. Ни сигарет, ни зажигалки у Варвары не было.

Пришло сообщение от деда, который волновался, почему нет вестей. Варвара прочла и не стала отвечать сразу. Ей хотелось оказаться в номере.

Портье заметил заставку смартфона: на старинной фотографии сидел чуть полноватый господин с умными и красивыми глазами, какие во все века сражали девичьи сердца, с

русым вихром и роскошными усами вороненого отлива. Не смотря на черно-белый снимок.

– Прошу простить, не могу вспомнить этого актера немого кино, – сказал Ален, кивая на заставку экрана.

Варвара не любила, когда заглядывают ей в смартфон. Как в душу.

– Мой предок, – сказала она, пряча смартфон в карман курки. – Из императорской России.

– Важное лицо?

– Государственный чиновник...

Портье выразился уважение к памяти о корнях. У них, итальянцев, это считает чертой национального характера: не забывать предков.

Варвара согласилась: забывать нельзя. Да и кто ж ей позволит...

Отказавшись от помощи, она затащила баул на третий этаж. Дверь номера открыл магнитный ключ. Других в маленьком, но гордом отеле не было.

Номер выглядел просто. Если не сказать убого. Как студенческое общежитие. Кровать, стол, два стула, тумбочка. Узкий платяной шкаф. Кресло, развернутое к окну, как телевизору. Комплект из «Икеи». Хоть новенький, не ободраный. Телевизора, кстати, не было, что Варвару не беспокоило. Бара нет. Что хуже. Но тоже терпимо. Душ такой узкий, что мыться можно, поджав руки. Окно широкое. Поискав, Варвара не нашла штор. Ни обычных, ни римских. Полная

открытость. Из украшений – два постера в рамках. На стене у стола «Секретные материалы», на другой – средневековая гравюра.

Зато воздух чистый. Кондиционер под потолком гнал свежий ветерок.

Варвара ощутила усталость. Скинула одежду, приняла душ, окунулась в махровое облако полотенца, и осталась в футболке. Без надписей.

Пахло в номере не как в гостинце, духом санитарного средства, а домашними булочками.

Она уселась с ногами в кресло и вошла в соцсеть. Первым делом написала в личку своей подруге Насте.

Настя жила за счет популярного бьюти-блога про помады, кремы, шмотки и другие с бесполезные вещи. С точки зрения Варвары. Зато в Милане и других модных городах Италии Настя бывала чаще продуктового супермаркета у метро. Общих интересов у них не было. Ну, почти. Тем не менее, это не мешало им дружить со школы. Как не мешало высшее образование Варвары и начисто забытая школьная программа Насти.

«Привет! Болонью знаешь?»

«Приветики! – тут же ответила Настя. – Там есть магазин с отличными скидками на бренды. Сказать адрес?»

«Нет. Отель «Рокко и его братья». Что скажешь?»

Настя помедлила и написала:

«Не слышала. Я в «Савое Реджинси» живу. Что ты дума-

ешь про мужчину с фамилией Фунтиков?».

Интересы Насти не слишком обширны: если не косметика, то мужчины.

«Искрометно. Но Шпунтиков – надежнее», – написала Варвара и отключилась. Толку он Насти – как всегда, было мало.

Она забралась в общий чат:

«Привет! Кто бывал в отеле «Рокко и его братья» в Болонье?».

«Никогда не слышал (смайлик)».

«Не бывала (смайлик)».

«Такой есть? (три смайлика)».

«Это ресторан? Там вкусно?»

«А кто такие братья Рокко?»

«Это новая пиццерия? Там вкусно?»

«Уродское название для кафе»...

Друзья опять не подвели: глупость на любой вкус. Зачем только с ними водиться?

Закрыв друзей, Варвара спросила у поисковика. По-итальянски спросила, пробовала и так и сяк. Поиск выдавал фильм во всех вариантах. Как будто в Болонье такого отеля не было вовсе. И сайта у него нет. И даже странички Instagram.

Не сдаваясь, Варвара ринулась на портал бронирования. Болонья предлагала десятки отелей. Кроме того, в котором сидела она.

Оставался проверенный способ. Варвара набрала заветный номер в месенджере. Абонент «DEED» включился так быстро, будто держал смартфон на ладони. Или сильно ждал звонка. Чтобы было не далеко от истины.

– Де-е-д, привет! – сказала она, привычно растягивая «е», как тянут ус.

– Боже мой, кого я слышу? Неужели дражайшая барышня Варвара изволила снизойти...

Ну, да, она провинилась. Чуть-чуть. Ну, подумаешь, не разговаривала с дедом три дня. Ну, замоталась... Главное, не подавать виду, что осознает вину. Еще чего! Какая вина? Везет деду такой книжный подарок, что вина сразу загладится. Дед все равно любимый. И другого нет.

– Де-е-д, слушай, я в заточении.

– Попалась в ловушку карантина?

– Немного не рассчитала.

– Где замуровали, дорогая? В Милане?

– В Болонье...

– А вот, мои друзья, хоть не в болоньи, зато не тащат из семьи...

Дед не мог без игр. Значит, простил. А куда он денется? Еще бы не простить такую внучку. Не внучка, персик! Ну, в каком-то смысле.

– Да, да, а гадость пьют из экономии хоть по утрам, да на свои, – поддержала она.

– Вывод: не пей гадость. И вообще не пей. Больше одного

коктейля.

– Я знаю.

– Как Италия?

– Как заколдованный дворец. Все закрыто.

– Материалы для диссертации?

– Почти собрала, – соврала Варвара, зная, что дед знает, что она соврала. – Де-е-д, слушай, я поселилась в...

И тут интернет пропал.

Ну, спасибо замечательной компании на букву «М». Иначе про них и не скажешь, как славные ублюдки на букву «ЭМ». После этой подлости Варвара твердо решили перейти к другому оператору. Как только вернется. Нет ничего хуже, чем подставить блондинку в роуминге. Даже если она забыла положить денег на этот треклятый роуминг. Таких обид прощать нельзя.

Надеясь на чудо, Варвара потыкала в мертвый месенджер. Чудо надежды не оправдало. Оставалось смотреть в окно.

Окно выходило на задний двор. Вернее – задний двор других домов. Напротив стоял дом не выше отеля. В брандмауэре вырезано панорамное окно, наверняка после реконструкции нескольких квартир в большую студию. Разрушить старое и сделать новое, безликое, зато открытое. Окно окаймлял балкончик, на котором еле пятками поместиться. Но они помещались. Голые пятки яркой брюнетки. На холодном цементе. Вообще брюнетка была столько горячеей, что пятки были пустяком. Вырез легкого платья и то, что им чуть

прикрывалось, было куда интересней. Для мужского взгляда. Варвара лишь подумала, что девица одета, как Барби-переросток.

Брюнетка курила в глубокую затяжку.

Варвара помахала ей. Просто так.

Брюнетка улыбнулась и помахала в ответ. Бросила сигаретку и медленно повернулась, будто демонстрируя, что прикрывало платьице с тыла. И тут было на что посмотреть. Роскошные формы должны вызвать женскую зависть.

Зависти у Варвары не было и в помине. Ей стало смешно. Такая итальянская итальянка. Она еще подумала: а не щелкнуть ли ее на смартфон.

Варвара не заметила, как провалилась.

Проснулась она в кресле.

На улице было темно.

Зато студия напротив залита светом. Варвара спросонья поморгала. не сразу понимая, это сон или уже нет.

Там происходило нечто странное. Крепкий, мускулистый мужчина в плотно облегающей майке, из которой лезли кусты волос, одной рукой держал брюнетку, а другой нещадно ее избивал. Рука была тяжела, брюнетку мотало, как листик на ветру. Наконец, он взял ее за горло и ткнул в лицо смартфон. На котором было что-то опасное.

Задыхаясь в его лапище, брюнетка молитвенно сложила руки.

Ревность и кара за измену.

Что делать? Сидеть и помалкивать?

Варвара не умела быть безмолвным свидетелем. Она стала стучать в окно и кричать, чтобы немедленно прекратили. На таком расстоянии между двумя стеклопакетами такой крик не громче писка комара.

Нужно открыть окно. Варвара стала искать поворотную ручку, но ее не было. Окно закрыто наглухо.

Не разбивать же стекло в номере. Потом всю ночь мерзнуть. Да и кто дал ей право вмешиваться в чужую жизнь. Чего в семье не бывает. Особенно итальянской. Покричат и успокоятся. Хотя мутузить женщину с таким зверством – чисто мужская мерзость. Варвара считала, что бить женщину, даже провинившуюся, нельзя. Ну, вот нельзя и все. Табу. Ругать, обзывать, угрожать. Но руку не подымай. Иначе ты не мужчина, а баба. Ничем не лучше той, которую наказываешь. А еще растительности на груди развел.

Оставалось ерзать в кресле и смотреть.

Мужчина в майке отшвырнул смартфон и нанес такой удар, что брюнетка отлетела и лежала на ковре, скорчившись.

Варвара аж подпрыгнула: совсем перебор. Но куда там...

Волосатый поднял несчастную, выхватил нож и приставил лезвие к подбородку.

Это слишком. Даже для итальянских страстей.

Варвара вскочила и прижалась к стеклу, которое не пускало. А то бы она, конечно, перелетела через двор.

Почему брюнетка так покорна?

Куда смотрят соседи? Не могут не слышать криков...

Не отпуская лезвие, волосатый говорил ей что-то, что исковеркало бешенством его не слишком приятное лицо. Брюнетка безвольно молчала. Убрав нож, он подхватил ее, отволок в глубину студии, бросил за арочный проем, и сам зашел за него. Виднелись голые ноги брюнетки. Вдруг она стала быстро-быстро елозить ими, будто перебирала педали велосипеда. И так же внезапно затихла.

Из-за простенка показался волосатый. Его нож был густо заляпан красным, как и майка. В руке он держал...

Варвара шарахнулась в сторону и, держась стены, пошла к двери. Хорошо, что свет не включен...

Вниз она сбежала.

Портье Алэн был занят просмотром черно-белого фильма по планшету. Он старательно не замечал футболку и босых ног. Постояльцы должны чувствовать себя, как дома.

– Могу чем-то помочь, синьорина?

– Там, в соседнем доме убили девушку, – сказала Варвара, не веря тому, что произносят уста ее. Как сказал бы дед.

– Вам показалось, синьорина.

– Ее избили и отрезали голову, – Варвара показала ладонью отрез.

Нельзя показывать на себе. Сколько раз бабушка говорила.

– Не может быть.

– Надо выйти и...

– Выходить запрещено, полный карантин.

– Тогда вызовите полицию...

Немного помолчав, Ален ответил:

– Это не поможет...

Варвара поняла причину его равнодушия:

– Вы боитесь? Боитесь мафии?

– Мафии нет. Больше нет. Как говорят, – он помялся. –

У нас тут не самый спокойный район. Мы предпочитаем не лезть в дела соседей.

– Какие дела – там преступление. Голову отрезали...

– Синьорина, мне жаль, что вам доставлено беспокойство.

Ужин за наш счет.

– Причем тут ужин...

Который раз Варвара столкнулась с главным своим врагом: глупостью. Причем, глупостью безнадежной и покорной. Что еще хуже.

Сделать вид, что ничего не случилось? Ну уж, нет.

Невдалеке от отеля дежурил полицейский. Варвара приняла решение мгновенно. И пошла к дверям.

– Синьорина, нельзя выходить.

Толкнув дверцу, Варвара наткнулась на препятствие.

– Пожалуйста, откройте... – потребовала она.

– Синьорина, будьте благоразумны...

– Откройте или я разобью...

– Как вам угодно...

Электрический замок прожужжал свободу. Варвара вы-

скочила на улицу, забыв про холод. Полицейский обернулся. Он был в маске. Взгляд над маской не сулил ничего хорошего. Вот этой девушке в футболке с босыми ногами.

– Выходить нельзя. Вернитесь в помещение.

Варвара знала, что у нее несколько секунд.

– В соседнем доме убийство. Девушке отрезали голову. Я видела. Я свидетель.

От пяток до кудряшек ее просканировал строгий взгляд.

– Какой сериал смотрели?

Здесь тоже самое: глупость. Причем, глупость мужская, глупость при исполнении. То есть, самая чугунная.

– Поверьте, я не сошла с ума: брюнетку избили и отрезали голову, – проговорила Варвара как можно спокойнее.

Полицейский кивнул.

– Будем считать, что я вас не видел. На первый раз... Вернитесь в отель, синьорина. Или сейчас запалите штраф полторы тысячи евро за нарушение карантина...

Таких денег Варваре было жалко. Тем более, их и не было. В конце-концов, какое ей дело. Пусть режут, кого хотят. Эти непредсказуемые итальянцы...

Не глядя на портье, Варвара вернулась в холл и поднялась в номер.

Не зажигая свет, подошла к окну. В квартире напротив было темно. Наверняка замечает следы, уже замыл кровь. Как он будет выносить тело? Целиком или разрежет на куски? Или положит в холодильник?

Она жалела только об одном: забыла про смартфон. Могла бы снять и ткнуть видео в нос тупому полицейскому.

Ничего себя у них карантин начинается, что же будет дальше... Хоть бы скорее чартер домой. Как домой хочется. Домой Варваре захотелось так, как не хотелось ни в одной поездке...

Но один вопрос не давался: неужели только она видела этот кошмар? Неужели никто из жильцов отеля не смотрел в окно? Например, соседи справа и слева. Или в лучших номерах телевизор заменял окно?

Варвара приложилась к стене. Оттуда доносились шорохи и звуки. Вроде, действительно, работает телевизор. Хорошо, значит, она единственный свидетель.

Варвара залезла в кровать и проверила смартфон. Интернета и связи по-прежнему не было. Оставалось вытащить из баула стопку ксерокопий, которые жадно ксерила в библиотеках, и заняться чтением. Дисер важнее хорошенькой головы брюнетки.

В номер постучали. Портье принес ужина. За счет отеля. Принципы важнее голода. Как бы сказал дед.

Она отказалась от ужина, как Алэн ни уговаривал. Согласилась только на американо.

И заснула.

Проснувшись, Варвара залезала в душ, а как вылезла – выглянула в окно.

Если бы на балкон выставили брюнетку без головы, обмо-

танную в скотч, она удивилась меньше. Потому, что на балконе покуривала девушка. От зарезанной новая отличалась наличием головы с огненно-рыжей шевелюрой. Прочие формы южной красоты, что спереди, что сзади, как и вырез декольте, были до удивления схожи. Правда, сигаретку она держала отстраненно, озирая окрестности.

Как показал опыт, курить на этом балконе вредно. Курить вообще вредно.

Как это понимать? Неужели волосатый держит гарем? Или новенькая просто наивная дурочка? Не знает, куда sunulась. Следы крови, конечно, не заметила. Решила: кетчуп пролит.

Предупредить, что ли?

Варвара принялась бить кулачком в стеклопакет и кричать, что есть мочи.

Рыжая заметила шум, улыбнулась и приветливо помахала сигареткой.

Наивная дурочка...

Пиля ладошкой по горлу, Варвара еще тыкала пальцем в глубину студии и старательно выговаривала губами слова «убийство», «опасность» и «спасайся».

Девушка смотрела на странные манипуляции, как смотрят на прыжки обезьян в зоопарке. Пока не засмеялась так, что выронила сигарету.

Обернувшись, она что-то крикнула в глубины студии.

На долю секунды Варвара оказалась проворнее: спрята-

лась за раму, подглядывая одним глазком.

На балкончик втиснулся волосатый. Чистая майка все также обтягивала плотное тело. Рыжая, смеясь и тыкая пальцем в Варварино окно, что-то быстро рассказывала ему, повторяя жест ладонью. Мужчина мрачно поглядывал, куда ему указывали.

Варвару пробрал нехороший холодок, холодок страха. Все-таки свидетелем быть не так легко. Особенно, когда имеешь дело с мафией...

Только подумав, Варвара сразу поняла: ну, конечно, это же настоящий мафиози... И морда такая омерзительная. Наверное, прячет нож за спиной.

Волосатый шлепнул девуцу там, где кончалось платьишко. Рыжая послушно скрылась, болтая без остановки. Мафиози достал смартфон, и сильно жестикулируя, стал разговаривать. При этом упорно разглядывая ее окно. За которым мог скрываться свидетель.

Свидетель действительно скрывался. Варвара не могла заставить себя оторваться от стены. Она представила, как волосатый присылает подручных проверить, кто живет в номере. И что она видела.

На портье рассчитывать бесполезно: пропустит без сожалений. А ей одной выкручиваться перед бандитами, играть в дурочку.

Правильно дед говорит: «Любопытство – не порок, а проклятие». Это у них семейное...

Варвара стала лихорадочно искать решение.

Бежать? Некуда. Везде карантин. Паспорт у портье, данные известны. Пока чартер прибывает, ее успеют несколько раз прикончить. На полицию рассчитывать нельзя: они тут все местные, знакомые, братья и сестры. Мафия, одним словом... Остается один слабый шанс...

Варвара спустилась на ресепшен и одарила портье улыбкой. Иногда она умела улыбаться.

– Доброе утро, синьорина, – ей ответили улыбкой. – Завтрак через десять минут.

– Могу попросить вас об одолжении?

– Сколько угодно, синьорина.

– Если вдруг какие-то... люди, – Варвара не стала говорить «мафиози», – будут спрашивать, кто живет в моем номере, скажите им, что номер пустой. В нем никто не живет.

– Мы не даем сведения о гостях.

– Тем лучше. Я могу на вас рассчитывать?

– Разумеется. Фанаты настоящего кино должны помогать друг другу.

– Закон омерты, не так ли?

Алан улыбнулся:

– Обещаю, синьорина, не выдать вас на растерзание мафии...

– Буду вам признательна, – голод сообщил Варваре, что пора его накормить. – Завтраки у вас внизу?

– Обычно, да. Но теперь гостям запрещено находиться

вместе. Завтрак будет доставлен вам в номер. Прошу извинить, карантин...

Ну, да, теперь на карантин можно списать все, что угодно... Главное, чтобы не списали ее остывший труп.

Варвара только вернулась с номер, как прибыл завтрак.

Булочки был чудесны, как в детстве у бабушки.

...Варвара проснулась в темноте. Она не могла понять, сколько прошло времени и сколько сейчас. Она немного потеряла себя. Голова была чистая.

Приподнявшись на локтях, Варвара увидела свет, который щедро лился из студии напротив. Шестеренки заработали.

Не выдавая, что живет в номере, Варвара добралась в темноте в ванную, и долго плескала в лицо ледяной водой. В комнату она вышла в полной боевой готовности.

На столе нашлась бутылка минералки. Наверняка оставил заботливый портье.

Варвара припала и жадно выпила до дна. Как будто с похмелья. Которого не было. И плюхнулась в кресло.

Ну, какая программа на сегодняшний вечер?

Посмотреть было на что. Посередине студии стоял мафиози. Вокруг него, прячась и не находя спасения, металась рыжая девица. Волосатый метал в нее угрожающими жестами. Рыжая отчаянно рыдала и мотала головой. Он что-то от нее требовал, она отказывалась выполнять.

Варвара вспомнила про смартфон. Надо включить на всякий случай камеру. Чтобы были доказательства.

Наставив на окно, она ткнула иконку камеры. Ничего не случилось.

Смартфон, ее надежный друг и товарищ, прошедший через библиотеки Италии, отказался работать. Ни видео снимать, ни фотки делать. Такого предательства Варвара не ожидала. Оставалось наблюдать.

«Надо что-то предпринять», – подумала она, но сил не нашлось.

Она не заметила, как рыжая куда-то делась. А мафиози передвинулся к краю комнаты и угрожал пальцем кому-то в углу. Который Варваре не был виден.

«Опять девчонку бить будут»...

Мысли текли, как масло на сковородке. Варвара впала в апатию.

Развязка случилась мгновенно. Мафиози выхватил с левого бока огромный пистолет, Варвара слабо разбиралась в марках оружия, и дал залп. Из тупого ствола рвалось пламя, оружие чуть вздрагивало.

Когда обойма кончилась, мафиози приподнял пистолет к плечу и смачно плюнул туда, где должно было остаться кровавое месиво. Больше от рыжей ничего не могло остаться. Оставался только крохотный шанс, что пули легли над ней. В качестве воспитательной меры.

– Да что же это такое?

Варвара вскочила. Надо любой ценой вызвать помощь...

Ален встретил ее вежливым спокойствием:

– Добрый вечер, синьорина. Не скучаете в карантине?

– Я знаю, что в доме напротив, – сказала Варвара.

– Неужели?

– И я знаю, почему соседи не обращают внимание.

– У нас не приятно лезть в чужие дела.

– Соседи молчат потому, что их нет. Весь дом – притон.

Там держат проституток. Их рабовладелец... – Варвара нарочно сказала это слово, вместо «сутенер», которого не помнила по-итальянски, – ...только что расстрелял еще одну девушку. В качестве меры устрашения.

– Мне очень жаль, – помедлив, ответил Ален.

– Надо вызвать службу спасения, может быть, она еще жива...

– Я уже объяснял вам, синьорина...

– Тогда поднимитесь со мной в номер.

Портье колебался, но согласился.

Варвара предложила не включать свет. Ведь номер пустой.

– Смотрите...

Из угла, где осталась рыжая, вышел мафиози. Он еще сжимал оружие. Другая рука была замазана кровью так, будто сунул пятерню в банку краски.

Не торопясь, мафиози обтер руку о майку. На белом осталась красная полоса. Которая зачеркнула надежду: рыжая –

труп.

И тут мафиози подошел к панорамному окну и вгляделся ночью. Что-то привлекло его внимание, что-то встревожило.

Варвара сообразила и кинулась на плечи Алену, заставив лечь: дверь в номер открыта, их силуэты видны на фоне коридора.

– Убедились?

– Нет, – ответил Ален, не вставая.

– Почему?

– Может быть, синьор разделал на кухне курицу.

– Автоматическим пистолетом?

– Может быть, он любит держать оружие.

– Я видела, как он разделал очередь рыжую девицу... У него руки в ее крови. А не курицы.

– Но зачем? Мафиози так не поступают...

– Все-таки они у вас есть... Это было наказание. Рыжая не хотела делать то, что от нее требовали.

– Мафиози так не поступают. Отрежут ухо или ноздри, но хладнокровно расстрелять женщину...

– Проститутку. Уже вторую, – Варвара предпочитала точность.

– Возможно, вы правы... Но, тем более, это не мое дело...

– Там девиц убивают, как кур!

– Сожалею... Если полиция его возьмет, дружки придут и покончат со мной. Или сожгут отель, – портье боялся и не скрывал этого. – Ужин принесу в номер...

Он выполз, как под огнем. Варваре осталось сделать тоже самое. Ползком добралась до кресла и чуть выглянула.

Мафиози вышел на балкончик и всматривался.

Варвара перестала дышать, чтобы не выдать себя движением. Мужчина с пистолетом в майке, замазанной кровью, постоял, плюнул в темноту и вернулся в студию. Вскоре погас свет. То, что в углу лежит труп, его, как видно, не беспокоило.

Варвара выждала, сколько могла, и захлопнула дверь номера. Что создавало иллюзию защищенности.

Она уселась на кровати. Пора отложить эмоции и начать думать.

Думать Варвара умела. Чем приводила в трепет тех, кто видел в ней блондинку.

Она коснулась бесполезного смартфона и глянула на прапрадеда. Два скромных ордена поблескивали у него на шее и в лацкане.

– А ты как бы поступил?

Предок был молчалив и величав. Словно предлагал Варваре повторить то, чем пользовался сам: «Если задача не имеет решения, значит, решение надо найти в другом месте».

И Варвара решилась. Для начала она огляделась.

В номере не было ничего необычного. Над кроватью торчал постер там, где ревностные итальянцы вешают распятие. Но это верующие католики. А в современном отеле...

На репродукции толстый горбоносый дурачок делал танцующий шаг, высоко задира колени. Если бы Варвара не занималась историей театра, подумал, что это средневековый фрик. Но она занималась. Это был Пульчинелла.

Дурачок, из комедии дель-арте. Средневековый уличный театр масок, про который Варвара писала диссертацию. В ансамбле Панталоне, Бригеллы, Коломбины, Тарталья, Скарамуччо, Ковьелло, Капитана и Арлекина, Пульчинелле досталась роль дурачка, которому достается на орехи. А почтенная публика потешается...

Кстати, где публика?

До сих пор Варвара не заметила ни единого жильца в переполненном отеле. Так строго держат карантин?

Что теперь?

А теперь вести себя так, будто она глупышка, по-прежнему ничего не поняла.

Варвара лениво пошаталась по темному номеру, при этом разглядывая все уголки и закоулки. Ей показалась, что она заметила то, что искала. Хотя не была уверена. Могло и показаться. В сущности, никакой разницы.

Она уселась в кресло, держа перед собой смартфон. Предок был нужен для уверенности. Ведь это он придумал логическую цепочку, о которой Варваре рассказал уже дед. Передал семейную реликвию, так сказать. Логическая цепочка такая хитрая штука: начни развязывать – конец обязательно выведет. Только куда?

Взявшись, Варвара нащупала первое звено: если все окна выходят на студию, почему никто из жильцов не видел преступлений? Неужели всем все равно? Или они спят? Или умерли? Почему никто ничего не видит?

Ответ был на поверхности: потому, что они смотрят и, более того, получают удовольствие. Наверняка это – отель садистов. Мафии все равно, на чем зарабатывать деньги: хоть на проституции, хоть на заказанных казнях проституток для богатых клиентов.

Как же она попала сюда?

Или ее выбрали за...

За волосы и кудряшки... Скоро придет ее черед...

Пора спасать жизнь. Зрители предвкушают, как она будет корчиться в руках мафиози. Что приготовят для нее: веревку? Биту? И отрежут голову на бис...

Она в плену. В заключении. И выхода нет... И дед не узнает, где сложила голову его Варвара... Если вообще голову найдут...

Но пока жива. Значит, имеет право на проверку.

Варвара быстро собрала баул и спустилась вниз.

– Я хочу уехать... Прямо сейчас.

Портье был спокоен.

– Вас что-то не устроило?

– Пришло сообщение: чартер на Москву будет подан через два часа...

– Прекрасно. Оплатите счет...

Варвара приложила карточку.

Ничего. Терминал выдал сброс платежа.

А потом еще три раза.

– Операция отклонена, – сказал Ален, возвращая кредитку. – У вас есть наличные?

В кармане завалилось несколько евроцентов.

– Не может быть. У меня на счету осталось... – она не стала говорить сколько, – достаточная сумма.

– Мне жаль...

Варвара бросила баул.

– Оставляю вещи. Съезжу в банк и сниму наличные. Вызовите такси...

– Такси отменены...

– Ничего, дойду пешком. Где ближайший банкомат?

– Выходить нельзя, везде полицейские патрули... И банкоматы не работают.

– Попроюсь под покровом ночи...

– Как вам угодно, – порттье нажал открывание двери.

Варвара наметила найти ближайший участок полиции. И вернуться не одна... Но выйти из отеля не смогла.

Ее никто не держал за руки. Она сама не решилась. Полицейского не было. Зато поблизости от отеля прогуливался тот самый мафиози. И не один. Выгуливал плюгавую болонку. При этом не выпускал дверь из виду. Как будто кого ждал. Он был в куртке и рубашке, на голове бейсболка. Мирный горожанин. Но Варвара знала, что руки у него в крови. Те

руки, что прогуливают болонку. Наверняка забрал у убитой девушки.

Какой негодяй: мало того, что женщинам головы режет, так еще собачкой прикрывается. Взял бы хоть овчарку или бультерьера, а то комок шерсти. Трус. Стыд и позор. А еще мафиози... Чего такого бояться...

Уговоры не помогли. Ноги Варвару не слушались. Стояли на месте.

Мафиози прошелся туда и обратно. Может, в самом деле, выгуливает собачку?

Или она с ума сходит?

Нет, ум еще при ней. Варвара повернулась к портье:

– Как мне прожить, если карточка не работает...

– Надеюсь, это проблемы в банке. Карантин... Все наладится... Я вам верю... Любители кино должны помогать друг другу. Ужин через десять минут. Могу еще что-то сделать для вас, синьорина?

Подхватив сумку, Варвара вернулась в номер.

Что испытывает заключенный, побег которого раскрыт? Копал подкоп, а выкопал к ногам охранника. Вот, что испытывала Варвара...

Надо проверить еще одно звено логической цепочки. Как бы поступил ее предок?

Ален принес ужин и пожелал приятного аппетита. Варвара дождалась, когда портье наверняка окажется внизу. Из ужина ей была нужна чайная ложка. Притрагиваться к еде и

не думала.

Покопавшись в глубинах сумки, Варвара нашла то, что искала.

Варвара села перед электрической розеткой по-турецки. И осторожно воткнула в дырки заколки-невидимки. Держа на кончике пальца ложку, она задержала дыхание и скинула на невидимки. Главное – вовремя убрать руку.

Эффект превзошел ожидания. Внизу что-то глухо бухнуло, полоска света под дверью погасла.

Варвара выскочила в коридор. Автоматические замки отключились, приоткрыв двери номеров. Варвара распахнула ближнюю. Затем следующую и следующую. Спускаться на второй этаж не имело смысла: в номерах пусто. Совсем. Голые стены. Отель пуст. Ни одного маньяка, жадного до кровавых зрелищ.

Опыт удался. Что немного запутывало логическую цепочку. Не сильно. Варвара держала ее крепко. Она заглянула в лестничный пролет. Внизу метался лучик фонаря. Бедный Ален, не может починить. Не знает, где коротнуло.

Варвара должна изображать глупышку.

Она спустилась к стойке портье.

– Что случилось?

Ален был занят щитком, в котором дергал ручки автоматов, а они отскакивали обратно.

– Ничего синьорина, не волнуйтесь... Возвращайтесь к себе...

– Мне страшно...

– Поверьте, бояться нечего...

– А где жильцы?

– Я всех успокоил...

Звучало зловеще. В темноте со светом фонарика – особенно.

Страшно Варваре не было. Ей было весело. Ложка оказалась сильнее автоматов электрического щитка.

Варвара вздохнула, как вздыхают женщины при мучениях неумелого мужчины:

– Не буду вам мешать, синьор...

– Крайне вам благодарен...

Вернувшись в номер, Варвара примерилась скинуть ложку. Но заметила, что смартфон в сети.

Сначала она отправила сообщение в соцсеть.

Друзья бурно комментировали и веселились. Чем подтвердили бесполезность себя и соцсетей. Затем Варвара набрала деда. Но дед, как назло, был в отдалении. Не отзывался. Что иногда с ним случалось.

Оставалось еще одни толковые мозги.

Варвара набрала по вацапу последнюю лучшую подругу, которой имело смысл звонить в трудный момент. Подруга была актрисой. Причем, начинающей. Без постоянного театра. Перебивалась антрепризами. Зато Кира была обладала интуицией и сообразительностью. Редкой не только в театре. Как видно, набралась мудрости из пьес. После Шекспира

любую проблему распутать ничего не стоит. Вот только Кира, когда была так нужна, прибывала вне сети.

Варвара была одна. Оставалось последнее: служба спасения.

Варвара набрала «113».

Усталый голос девушки спросил, что случилось.

Варвара кратко, как могла, сообщила: напротив нее отрезали женщине голову, а другую расстреляли из пистолета.

Оператор спросила, какая у нее температура, не надо ли прислать врача.

– Не врача, полицию.

– Хорошо, диктуйте адрес...

Прикрыв микрофон, оператор сказала: «Еще одна сумасшедшая иностранка! Кругом видят мафиози... Только этого нам не хватало!»

– Я не знаю адрес. Живу в отеле напротив дома, где произошли убийства.

– Как называется отель?

– Рокко и его братья...

– Такого отеля нет в Болонье, синьорина...

– Меня привезли сюда из аэропорта на такси...

– Номер такси помните?

Варвара назвала.

– Такой номер давно не используется... Могу вам еще чем-то помочь? Может, все-таки прислать «Скорую помощь»?

Варвара прикинула появление врачей, рассказ об отрезанной голове и расстреле. И отказалась. Из психиатрической клиники сбежать трудно. Да и дед расстроится...

– Засеките положение моего мобильного и пришлите полицию, – сказала она.

– Ну, конечно! Сейчас подключаем спутниковую систему НАТО! Вы там держитесь, синьорина, не болейте!

Оператор отключилась. У оператора были настоящие проблемы. А не выдуманные.

Тут Варвара чуть не хлопнула себя по лбу: как же не сообразила? Гео-таргетинг!

Зайдя в бесполезные соцсети, Варвара поставит метку на сообщении...

Капелька уткнулась в глухом районе Болоньи, где не было отмечено ни одного отеля. Зато было название улицы. И номер дома...

В логической цепочке осталось вытянуть последнее звено. Без чего Варвара не покинет отель. Чего бы это ни стоило.

Ложка не выдержала скачков в сети и свалилась. Включился свет. А интернет пропал.

Варвара погладила ложку, сказав: «потерпи, малыш», и вынула невидимки из розетки, чтобы оставались невидимками. Это фокус еще пригодиться. Не нужно, чтобы синьор Алэн о нем узнал.

Она успела прыгнуть в кресло, когда после краткого стука вошел портье.

– Свет появился?

– Да, проблема решена. Позвольте на всякий случай осмотреть розетки...

– Это ваш отель.

Портье прошелся, наклоняясь и тщательно рассматривая. С чем и вышел из номера. Через пять минут загудел кондиционер. А через десять вернулся синьор Ален с ужином, пахнущим домашней итальянской едой. Такой соблазнительный.

Как ни голодна была Варвара, но помнила: «В доме врага и пища горька». Как говорил ее дед, возвращаясь из гостей.

Сев на кровати лицом к стене, как раз под гравюрой Пульчинеллы, она принялась отрывать куски булочек, сыра, ветчины и бросать в щель между матрасом и стеной. Каждый выброшенный кусок просился в рот. Но Варвара терпела.

Осмотрев тарелки, она осталась довольна: полная иллюзия, что ужин съеден. Ей не надо было делать вид, что спит. Варвара так устала от пережитого, что провалилась в сон.

Или не заметила, как съела кусочек?

Утром она выбросила завтрак под кровать. И сделал вид, что уснула. Труднее всего оказалось лежать весь день, претворяясь спящей. Но Варвара справилась: тщательно продумывала план.

Настал вечер.

Она картинно проснулась, умылась и заняла место в кресле.

На балкончике курила свежая девушка славянской красоты. Мафиози что-то кричал на нее, и прогнал, как вчера рыжю. Варвара терпеливо ждала.

И дождалась. Не прошло часа, когда из глубины студии выбежала девица, спасаясь от разъяренного мафиози. Он держал толстую веревку, которой пользовался, как кнутом. Девушка уворачивалась, но мафиози умело загонял в угол. Пока не загнал и схватил за горло. Она брыкалась, как могла. Мужчина был сильнее. Придавив ее к полу коленом, он скрутил из веревки петлю, накинул, и приподнял, как щенка на поводке. Шея жертвы вытянулась, а голова запрокинулась назад. Мафиози потащил ее к балкончику с явным намерением наказать строптивую девку повешением.

Надо спешить. Варвара кинула ложку на невидимки, уже торчащие из розетки. Снизу долетел приятный хлопок. Теперь, когда ее никто не мог видеть, Варвара могла действовать. В свободную розетку воткнула кипятильник, подарок деда. Дед говорил: «кипятильник – друг артиста и дипломата». Варвара всегда таскала его с собой. Не зная, зачем. Кипятильник был старый, советский, тяжелый и вызывал тревожные вопросы на досмотре в аэропортах. Но как пригодился!

Набрав телефон «113», Варвара сообщила оператору адрес, по которому вот-вот повесят девушку. Ей обещали прислать ближайший патруль.

Не дожидаясь полиции, она скинула ложечку. Нужен был

ток.

Как только вода в стакане забулькала, Варвара схватила ножку кипяtilьника, подержала на воздухе, чтобы хорошенько разогрелся, и, выдернув из розетки, вонзила в пожарную сигнализацию. Завыла сирена, с потолка полился душ.

План Варвары еще не закончился. Замотав руку полотенцем, она удобно прихватила кипяtilьник и оглянулась в окно. Вдалеке ночи уже сверкали полицейские мигалки, двигаясь в направлении к дому мафиози. Оставалось закончить начатое.

Промокший синьор Ален ругался, но выключить сигнализацию не мог. На Варвару взглянул и продолжил бороться со щитком.

– Простите, синьорина, не до вас.

– Разрешите побыть в холле, мне страшно одной наверху...

– Делайте, что хотите.

Что хотела, Варвара уже сделала: воткнув вилку кипяtilьника в розетку, для удобства гостей расположенную на рисепшен. И досчитала до двадцати. Без воды кипяtilьник грелся мгновенно.

– Синьор Ален, можно вас на секунду...

Портье оставил непокорное оборудование и повернулся к ней.

– Что вам нужно?

Варвара не стал объяснять. Ткнула спиралью кипятильница в бритую щеку портье. Советский кипятильник был силен. Вопль синьора Алена перекрыла сирена пожарных, прибывших на пожар.

Презирая крики поверженного врага, который поскользнулся и барахтался в луже, Варвара зашла за стойку ресепшен, и увидела то, что ожидала: монитор, на который было ведено множество камер. Большинство – из ее номера.

А пожарные уже вломились в холл.

– Где очаг пожара? – крикнул старший.

– Очаг ликвидирован, – ответила Варвара. – У нас тут раненый...

Синьора Алена подняли за руки. Он ругался так, что смутил пожарных. Больше всего злясь, что белобрысая ведьма оставила след на лице. Что было правдой: щека синьора Алена украсила алая буква «О». Будет знать, как связываться с блондинками.

Варвара увидела, как к отелю подъехала патруль полиции.

Очень кстати...

...Комната была светлой и чистой, как мысли Варвары. Она без страха смотрела в лицо комиссарио Филиппе. А комиссарио тщательно рассматривал ее паспорт.

С виду он относился к породе мужчин, уверенных в своей неотразимости. Подобные красавцы слишком поздно догадывались, что Варварины кудряшки совсем не то, чем они

кажутся.

Как говорится, наглость – не порок, но и глупость – не добродетель. Коммиссарио глупцом не был. Не смотря на чернявую смазливость. Среди красавчиков редко, но попадались умники. Варвара знала, что наткнулась на редкий экземпляр. Жаль, что комиссариат полиции не лучшее место для приятного знакомства умных людей.

Коммиссарио изучил паспорт до корочки и положил гербом на стол. И посмотрел так, как смотрят полицейские в сериалах: с откровенным намеком, что преступнице лучше покаяться, чем тратить время.

Преступницей Варвара себя не считала. А потому смотрела беззастенчиво. Как в целом невинная овечка.

Взгляд коммиссарио не удержал и моргнул. Ага, проиграл дуэль. Будет знать, с кем связался.

– Жду объяснений, синьорина, – сказал он, глянув исподлобья. Как стрельнул из-за угла напоследок.

– Каких объяснений? – спросила Варвара.

– По какой причине нанесли ранение синьору портье. Кстати, как называется, это ужасный предмет?

– Кипя-тиль-ник, – проговорила Варвара русскими слогами.

Коммиссарио прислушался к звукам варварской речи и не рискнул узнать, для каких ужасных целей используют в России этот предмет. Подумав, что разумно бы запретить его к ввозу в Евросоюз.

– Отвечайте на вопрос.

Мирно Варвара сделала все, что могла. Что ж, сам напросился.

– Не будут тратить ваше время, комиссарио, на рассказы о том, как мафиози в доме напротив жестоко разделался с двумя девушками, и чуть не повесил третью, – сказала Варвара со спокойствием, от которого дыхнуло русским морозом. – Когда в полицейском участке блондинка рассказывает такой бред, ее считаю сумасшедшей или лгуньей. Особенно, когда вам известно, что происходило на самом деле.

Коммиссарио сохранил спокойствие лица.

– Ближе к делу, синьорина. К вашему возмутительному поступку, – сказал он.

– Немного терпения, комиссарио. Дойдем и до моего поступка, – Варвара умела брать инициативу на себя. – Факт первый: я оказалась в отеле, названия которого нет нигде. Даже в вашей службе спасения. Почему? Допустим, он такой скромный или новый, что не успел заявить о себе. Факт второй: сеньор Алэн уверял, что отель полон постояльцев. Я обнаружила, что в номерах никого нет. И даже мебели. Что за странность? Вероятно, номер, в который меня поселили, предназначен для чего-то особенного. Какие доказательства? Окна нельзя открыть, на них нет штор, нет телевизора, а мой надежный смартфон отказался работать. Даже записать видео. Превратился в бесполезный кусок пластика. Не говоря уже об интернете. Так бывает, когда рядом работа-

ет сильный глушитель. Я не слишком спешу? Мой итальянский вам понятен?

Филиппе сохранял истинно английское спокойствие. Не итальянское, нет.

– Ближе к вашему поступку, синьорина.

– Ближе некуда, комиссарио: я не могла выйти из отеля. О, этот карантин от страшного вируса: на улице полицейский, который грозит штрафом. Моя карточка не проводит платеж, но при этом портье милостиво разрешает остаться в отеле. Мало того: приносит в номер завтраки и ужины, полупансион. Какая щедрость. С чего бы вдруг? Быть может, причину надо искать в том, что я сплю, как сурок после завтрака, вкусного, как у бабушки. Зачем это портье? Ограбить меня? Сексуальные домогательства к спящей девушке? Ничего подобного не происходит... Логический ответ: чтобы показывать кровавые драмы за окном. У которого так удобно стоит кресло. Показывать мне. Успеваете, комиссарио, за развертыванием логической парадигмы?

Офицер глянул через плечо на большое окно, заделано зеркальным стеклом.

– При чем тут портье и ваша парадигма? – спросил он.

– Хороший вопрос, – сказала Варвара. – Но мелкий. Интереснее другое: зачем показывать мне ужасы. Первая версия: какой-то сумасшедший богач заказал подпольное риалити-шоу, в котором происходят настоящие убийства. Версия простая, понятная и доказуемая: мой номер и отель на-

пичканы камерами. Которые выводятся на монитор портье.

– Неужели?

– Да. Только одна беда: она не верная.

– Почему? – спросил комиссарио, будто вошел во вкус.

– Для этого шоу не нужна я, зрительница. Даже если предположить, что четвертой жертвой предстояло стать мне, куда проще сразу привести меня в тот дом, ударить по затылку, бросить в подвал связанную, или как у вас поступает настоящая мафия...

– Значит, это версии не верна. У вас есть другие, синьорина?

– Вторая не менее очевидна: синьор Ален – маньяк. Помешался на кино, не стал режиссером и тайно снимает фильм для себя. Черный фильм. Тогда моя роль понятна: бедная, невинная девушка, которая попала в ловушку и не может из нее выбраться. Судьба такой героини печальна: мафиози из дома напротив поймет, что она все знает, ворвется в отель, и бедняжка погибнет в страшных муках. Вероятно, забьют бейсбольной битой.

– Почему битой?

– Нож был, пистолет был, веревка для повешения была, – ответила Варвара, загибая пальцы. – Из популярного набор убийств невинной девушки остается бита. Яд в расчет не берем, не так зрелищно...

– А почему эта версия не верна? – комиссарио забыл, что недавно его волновала судьба портье.

– У такого фильма должно быть начало: героиня, то есть, я, ничего не подозревает, знакомится с мафиози, потом видит, как он убивает девушек, впадает в панику, не может выбраться. Ну, и так далее. У маньяков детали тщательно продуманы. А какое тут начало: ну, приехала туристка, ну, поселилась в номер, ну, показывают кровавый треш. Никакой драматургии. Но самое главное: слишком много орудий убийства. Маньяки, как вам известно, комиссарио, предпочитают что-то одно, на чем они зациклены... Вывод: эту версию отбрасываем.

Поборов себя, Филиппе спросил:

– У вас еще есть версия, сеньорита?

– Есть, – сказала Варвара.

– Что это за версия?

– Для начала пригласите таксиста, который взял меня в аэропорту. Думаю, ему скучно смотреть из-за стекла...

Коммиссарио обернулся к зеркалу, будто оно могло утешить. Зеркало равнодушно молчало. Зато запахнулась дверь, и вошел таксист. Он сменил кожанку на шерстяной пиджак с белой рубашкой, воротник которой стягивала шелковая бабочка. Таксист сел рядом с комиссарио без лишних приглашений. Настроение его было не слишком игривым. Как будто замучил карантин.

– Прощу простить, синьорина, что не представляюсь, – сказал он.

– Переживу, профессор, – ответила Варвара.

– Почему называете меня профессор?

– Видела вашу фотографию на сайте Болонского университета, – сказала она, блефуя, но блеф удался. Профессор переглянулся с комиссаром. – Надеюсь, вам не придется закапывать мой труп в подвале комиссариата?

– Какова ваша третья версия? – спросил безымянный профессор, чтобы не поддаться заманчивой идее с трупом в подвале.

– Натурный эксперимент. Так у вас это называется? Вероятно, по заказу полиции. Вы проверяет реакцию современного человека, погрязшего в сериалах и кино-жестокости на столкновение с настоящей, реальной жестокостью. Как себя поведет, что будет делать, как бороться за жизнь. Для полиции такие сведения крайне важны, чтобы знать поведение свидетелей. А для вас, профессор, знания психологии человека имеют ценность сами по себе.

Профессор издал звук, будто не может проглотить лягушку, что растопырила лапки у него в горле.

– Вы выбрали в аэропорту идеальный объект эксперимента, – продолжила Варвара, – Туристка, блондинка, смазливое личико, достаточно молода. Наверняка ничего, кроме смартфона не знает.

– Подвело электричество, – оправдался профессор.

– Электричество не при чем. Вы оставили... подсказки, – Варвара подобрала необидное слово. Кому приятно совершать «ошибки».

– Какие?

– Такси напичкано футбольной атрибутикой, а вы всю дорогу болтали о классическом кино. И все же главная подсказка была в номере: «The X-Files» на одной стене и гравюра Пульчинелла над кроватью. Я немного занимаюсь комедией дель-арте, и знаю, что Пульчинелла – дурачок, над которым смеются. За окном происходило представление, как в театре: выносят отрезанную голову, расстреливают за кулисами. Самый сложный трюк: повешение. Тут нужен тонкий страховочный трос.

– Вы и его заметили? – в печали спросил профессор.

– Заметила, – врать Варвара умела, не моргнув глазом. – Но я не Пульчинелла. Отвечая на ваш вопрос, комиссарио: синьор Ален получил от меня плату за мое участие в эксперименте. Его плата за риск. Согласны?

Профессор правильно понял, к кому именно обращен ответ, и кто будет разгребать проблемы. Он поднялся и протянул руку.

– Благодарю, синьорина, за уроки, мы их учтем. И поправим электрический щиток.

Варвара пожалала жесткие пальцы профессора.

– Любому щитку можно устроить короткое замыкание, – сказала она.

– Откуда такие знания, синьорина?

– От деда.

– Кто ваш дед?

– Он был советским пионером.

– Чему он научил?

– Как заколкой выбить пробки.

– Полезные знания.

– Логика полезней.

– Откуда у вас логика?

– От прапрадеда, профессор.

– Кто был ваш прапрадед, сеньорита?

– Он был великий человек, – сказала Варвара и тряхнула головой. – Вам не кажется, что мы говорим, как в фильмах Тарантино?

Профессор задумался:

– Реальность и вымысел порой теряют границы... Жажду узнать, кем был ваш предок.

Коммиссарио тоже горел желанием.

Отказать горящим мужчинам Варвара не могла. И предъ-
явила заставку смартфона.

– Какой приятный господин, – сказал профессор, взгляды-
ваясь в старинный снимок. – В вас заметны его черты... Гла-
за...

– Я знаю.

– Так кто же он, раскройте тайну! – почти взмолился ком-
миссарио.

– Самый великий сыщик императорской России. Служил
в сыскной полиции Петербурга.

– Почту за честь узнать его имя.

– Его зовут Ванзаров, – сказала Варвара. – Родион Георгиевич Ванзаров.

Коммиссарио уже видел эту фамилию.

Раскрыв паспорт, лежавший перед ним, убедился: блондинку звали Варвара Ванзарова. Он только не мог знать, какое у нее еще и отчество...

Что сказать: блондинистые кудряшки выросли на крепких мозгах ее и предков. То ли еще покажут...

2 серия. Марта Яскол «Творческий почерк»

Одна овца, вторая овца, третья... семнадцатая... тридцать пятая... сорок шестая...

Чушь какая-то. Что за баран придумал считать овец, чтобы быстрее уснуть? Уснешь тут, если нервы натянуты, как струны. Вот-вот зазвонят. Обострившийся слух ловит каждый звук, каждый шорох...

Шорох?

Что-то зашуршало на балконе. Боже, там, кажется, кто-то крадется!

В луче света от фонаря мелькнул силуэт, по занавеске скользнула тень...

Со щелчком повернулась ручка балконной двери...

Почему не заколотила эту чертову дверь наглухо?! Душно ей, видите ли, было! Потерпела бы!

А теперь пришли за ней...

Закинув руки за голову, Кира лежала в постели и придирчиво изучала трещину на потолке. Изломы причудливо змеившейся линии напоминали Кире выражи ее собственной

жизни. Еще недавно, каких-то три месяца назад, все складывалось наилучшим образом: Киру пригласили на роль Маши в «Чайку», постановку Экспериментального Театра Антрепризы, ЭТА.

Не избалованная вниманием продюсеров молодая актриса колебалась недолго.

Да, с чеховской «Чайкой» экспериментальная и рядом не стояла. Зато «современная трактовка», как беззастенчиво именовал свое детище режиссер и, по сути, владелец театра Борис Ревунов, предусматривала участие шести актеров и минимум реквизита.

То есть, была, по выражению того же Ревунова, весьма «мобильной».

К несказанной радости артистов Ревунову удалось пристроить их мобильную «Чайку» в гастрольный тур вкупе с еще несколькими экспериментальными театрами по Италии.

Всего две недели назад Кира гуляла по Пьяцца Маджоре и любовалась видами Болоньи с башни Гаризенда.

Однако сказку, которую напоминало начало гастролей, с каждым днем все больше омрачали слова «коронавирус», «пандемия», «карантин» и нарастающее чувство тревоги. Вскоре массовые мероприятия, включая театральные, запретили. Начали отменять один за другим плановые авиарейсы, в том числе и тот, которым артисты должны были вылететь домой. Реальной оказалась угроза зависнуть в чужой стране, охваченной пандемией неизвестной болезни.

Используя связи в консульстве, Ревунов забронировал для своей труппы места на вывозной рейс из Милана.

Пришлось хватать чемоданы и мчаться в аэропорт, чтобы успеть на отлетающий через два часа борт. Впрочем, спешка не помешала кое-кому из коллег Киры затариться в дьюти фри миланского аэропорта качественным спиртным. То, что самолет вместо Санкт-Петербурга приземлился в Саратове, никого особо не опечалило. Главное, что на Родине.

В аэропорту прибывших встретили полицейские в темно-синей форме и люди в белых халатах, масках и с термометрами.

Следующим сюрпризом стало то, что после соблюдения необходимых формальностей местных жителей с их рейса под подписку распустили по домам на самоизоляцию, а иногородних препроводили на обсервацию в несколько загородных санаториев.

Возвращение домой откладывалось в лучшем случае на две недели.

Так Кира с товарищами по искусству и несчастью очутилась в «Ивушке»...

– Просыпайтесь, завтрак! – раздалось в коридоре. В дверь Кириной комнаты постучали костяшками пальцев. – Забирайте, пока не остыло!

Кира и не заметила, как провалилась в сон. И вот, разбудили с утра пораньше...

Голос принадлежал пожилой медсестре тете Вале. Немно-

гочисленный персонал санатория всячески избегал контактов с незваными гостями, считая их источниками заразы. Тетя Валя была одной из немногих, кто отваживался общаться с «понаехавшими».

– Спасибо, тетя Валь, забираю, – откликнулась Кира, зевая и слезая с постели.

...Добровольно-принудительное заточение длилось шестой день. Превращенный в обсерватор санаторий оказался типовым, советской постройки, трехэтажным зданием с огнетушителями и фикусами в коридорах, отвратительной звукоизоляцией, деревянными скрипучими полами, телевизорами доплазменной эпохи. И без излишеств, в виде вай-фая и холодильников в комнатах.

Артистов поселили на третьем этаже, двери их комнат вели в коридор, упирающийся в просторный холл, окна выходили на длинный, опоясывающий торец здания балкон, разделенный узкими перегородками.

Трижды в день тетя Валя расставляла у дверей пакеты с немудреной едой. К вечернему пакету добавлялась пол-литровая бутылка негазированной воды.

В первый день обитателей обсерватора попытались запечатать в комнатах на ключ.

Они бурно выразили протест: а вдруг пожар?! В окна прыгать? Лишнюю меру предосторожности отменили.

Чтобы взбодрить коллектив и не терять время попусту, карантин ведь рано или поздно закончится, Ревунов пред-

ложил репетировать «Пир во время чумы» из «Маленьких трагедий». Разумеется, «в современной трактовке».

Народ согласился, все лучше, чем сидеть по клетушкам.

В библиотеке санатория нашелся пушкинский текст. Ревунов надеялся, что постановка «на злобу дня» будет иметь бешеный успех, и уже потирал руки в предвкушении.

Кира неплохо пела, ей дали роль Мери. Луизой стала prima и нынешняя пассия Ревунова Виолетта Морозова, причем в этой роли тридцатипятилетняя обладательница пышных форм выглядела куда убедительнее, чем в образе юной Нины из «Чайки». Председателя взялся изображать сам Ревунов. В «Чайке» он играл, понятное дело, Тригорина.

Ревунов позаимствовал у Виолеттты красную ажурную шаль и во время репетиций набрасывал ее на плечи наподобие плаща. На его грузной фигуре такой наряд смотрелся довольно комично и мешал Кире настроиться на серьезный лад.

На роль Молодого человека претендовали Максим Кутепов и Роберт Шипулин. Дело, вопреки увещаниям Ревунова, едва не дошло до драки. Роберт в «Чайке» довольствовался ролью учителя Медведенко, а Макс играл Константина Треплева, причем играл, по мнению Киры, талантливо.

В конце концов, Ревунов решил, что Максим – спортивного вида брюнет с карими глазами и хорошо поставленным голосом – больше похож на Молодого человека, чем долговязый Роберт. Однако и Шипулина режиссер не обидел, по-

ручив ему роль Священника.

А вот Ларисе Горбенко – худосочной желчной даме из тех, чей возраст надолго замирает на отметке «тридцать восемь», досталось всего несколько реплик.

«Он сумасшедший, он бредит о жене похороненной!» – жутким голосом завывала Лариса, нарочито переигрывая.

Впрочем, жаловаться ей было грех: в «Чайке» она играла Аркадину. Правда, только потому, что Виолетта изображать «молодящуюся звезду» наотрез отказалась...

На очередную репетицию Кира явилась одной из первых.

Ну, как явилась – вышла из своей комнаты в холл.

Через минуту к ней присоединился Максим Кутепов. Макса обычно трудно выбить из колеи, но сейчас он выглядел расстроенным.

– Что с тобой? Что-то случилось? – спросила Кира.

– Случилось давно, – глядя в пустоту, ответил Макс, – сегодня годовщина. Сестра звонила, напомнила. Хотя я не забывал... Тяжелый день... А, не бери в голову, – махнул он рукой и грустно улыбнулся.

Кира тактично не стала спрашивать, чья годовщина. И так ясно: кто-то из родителей. Отец или мама...

Она только крепко сжала руку Макса, выразив этим жестом сочувствие.

Тем временем подтянулись остальные. Наскоро обменялись неутешительными новостями из внешнего мира, отчего приуныли еще больше.

Роберт Шипулин, пытаясь хоть как-то развеселить коллег, начал пересказывать актуальные шутки.

– Вот это о нас: «В такой трудный момент для всего мира мы все, как никогда, должны держаться друг от друга подальше!» – процитировал он. – А это вообще улет: «Утром проснулся, кашля нет, насморка нет, температуры нет, ничего не болит, дышится свободно. Ну, думаю, труба дело. Типичные симптомы бессимптомного коронавируса!»

– Типун тебе на язык! – фыркнула Виолетта Морозова. – Не знаю, как кто, а я этой ночью до утра глаз не сомкнула. Три таблетки снотворного выпила, – без толку!

– А что пьешь? – поинтересовался Роберт.

– Да то же, что и все, – прима вынула из сумочки пачку таблеток и помахала нею у Роберта перед носом.

– А ты как провела ночь? – Роберт дурашливо приобнял Киру за плечи и жарко задышал ей в ухо. – Не скучала? А то я могу помочь развлечься... Или ты тоже, как и чеховская Маша, сохнешь по Треплеву, то бишь, Максусу?

– Отвянь, – Кира дернула плечом и сбросила его руку, – и не подходи ко мне ближе, чем на полтора метра! Тем более, без маски.

– Скучно с вами, – зевнула, потянувшись, Лариса Горбенко. – Пойду-ка я покурю, пока шпионить за мной некому.

Курить в санатории строго воспрещалось, поэтому Ларисе приходилось прятаться от бдительного персонала в укромных местечках. Однако ее хитрость пресек Ревунов.

– Никуда не разбегаемся, начинаем репетицию. Кира, милочка, давайте вот с этого места, – он принял горделивую позу, приосанился и проникновенно произнес. – Нет, ничто так не печалит нас среди веселий, как томный, сердцем повторенный звук!

– О, если б никогда я не певала вне хижины родителей моих! – подхватила Кира. – Они свою любили слушать Мери...

– Не в моде теперь такие песни! – вступила Виолетта. – Но все ж есть еще простые души: рады таять от женских слез и слепо верят им...

Морозова пробуравила Ревунова взглядом. О его слабости к женским слезам и не только был прекрасно осведомлен весь околотеатральный мир северной столицы. Борис то и дело порывался увлечься кем-нибудь на стороне, но Виолетта держала его в ежовых рукавицах.

Не выдержав прессинга, «простая душа» предложил перейти к другой сцене.

– Ага! Луизе дурно, – воскликнул Ревунов, – в ней, я думаю, по языку судя, мужское сердце...

– Сестра моей печали и позора, приляг на грудь мою, – ехидно предложила Кира.

– Было бы на что, – скептически хмыкнула Виолетта и тут же вернулась в образ. – Ужасный демон приснился мне: весь черный, белоглазый... Он звал меня в свою тележку.

Внезапно она застыла, побледнев и уставившись в одну точку.

– В ней лежали мертвые, – с трудом выговорила Виолетта, – и лепетали ужасную, неведомую речь... Скажите мне: во сне ли это было?

В ее голосе было столько трагизма, что все, включая Роберта, поежились. У Киры по спине побежали мурашки.

– Блеск! – восхитился Ревунов. – Какая глубина! Ты превозмогла самое себя, дорогая!

Виолетта покачнулась, Макс подхватил ее под руку и помог сесть на стул.

– Луиза... тьфу, Виолетта, тебе что, и вправду, дурно? – встревожился Ревунов.

Виолетта дважды глубоко вздохнула, ее лицо слегка порозовело.

– Пустяки, – нормальным голосом сказала она. – Недосып и недостаток свежего воздуха. Уже все прошло, давайте работать...

– Перерыв, – объявил Ревунов, – продолжим после ужина.

Вечерняя репетиция тоже не обошлась без инцидентов.

Вначале Лариса рассказала, что, когда выскакивала после ужина курить на пожарную лестницу, чуть не столкнулась с мужчиной в маске, защитных очках и перчатках, от шеи до пят укутанным в белый халат.

– Жуть такая... Он шарахнулся от меня, как от чумной! –

пожаловалась она.

– Почему-то я не удивлена, что от тебя мужчины шарахаются, – съязвила Виолетта.

– А почему «как»? – хохотнул Роберт. – Они нас чумными и считают.

Он расправил плечи, поднял руку с воображаемым бокалом и продекламировал:

– Бокалы пеним дружно мы и девы-розы пьем дыханье, – Роберт выразительно посмотрел на Киру, – быть может... полное чумы!.. Ха... Ха... Ха...

– Умеешь ты утешить, – буркнула Лариса. – Кстати, бокалы вспенить не помешало бы. Пока есть чем.

– Хорошо, что напомнила. – Роберт повернулся к Ревунову, который, наморщив лоб, тыкал в экран своего мобильного. – Борис, где наши командировочные и гонорары? Что-то мы поиздержались! – он выразительно похлопал себя по карманам.

– Зачем тебе здесь деньги? – с плохо скрытой издевкой спросил Ревунов. – Кормят тебя, поят...

– Меня здесь плохо кормят! – повысил голос Роберт. – И потом, обсервация скоро закончится! Ты чего ваньку валяешь? Где наши деньги?!

– А вот Ванечка Зорин всегда был очень чуток к нуждам артистов, – вдруг сообщила Лариса. – Он самый лучший руководитель из всех, с кем я когда-либо работала...

Кира не знала, кто такой Ванечка Зорин, и удивилась то-

му, как изменились при упоминании этого имени лица Ревунова и Виолетты.

– Причем тут Зорин? – процедил Ревунов. – У нас репетиция или вечер воспоминаний?

– Он сумасшедший, – он бредит о жене похороненной! – взвыла Лариса, тыча в Ревунова костлявым пальцем. – Хотя точнее было бы – о похороненном друге! Которого сам же и...

– Заткнись! – взвизгнула Виолетта. – На тебя обсервация плохо влияет, или ты и до карантина была душой?

– Сама дура! – парировала Лариса.

Обе женщины метали глазами молнии и сжимали кулачки. Тот еще пир во время чумы...

– Дамы, брейк! – скомандовал Роберт. – Соблюдайте социальную дистанцию и запаситесь терпением. Нам еще минимум неделю взаперти сидеть.

После ссоры было уже не до репетиции. Все разошлись по комнатам.

Ночью Кире опять не спалось. Ворочаясь с боку на бок, она не единожды помянула недобрый словом Виолетту: «Неужели бессонница тоже заразна?».

Когда долгожданный сон, наконец, подобрался, в соседней комнате, которую занимала Морозова, закрипели поло-

вицы. Тонкая стенка днем беспрепятственно пропускала все звуки, а в ночной тишине и подавно.

«И вот чего ей не лежится? – раздраженно подумала Кира. – Сама не спит и другим не дает».

К счастью, скрип прекратился.

Кира еще немного позлилась на беспокойную соседку, потом, сунув голову под тощую санаторную подушку, принялась думать о превратностях судьбы, и сама не заметила, как уснула.

Утром она забрала принесенный тетей Валею завтрак и снова легла с твердым намерением отоспаться.

Разбудил ее шум в коридоре. Да что ж такое, ни сна, ни отдыха в этом дурдоме!

Первым, кого увидела Кира, выйдя из комнаты, был Макс. Он и рассказал, что Виолетту нашли мертвой.

Когда Морозова не отозвалась на сообщение о завтраке, тетя Валя толкнула ее дверь, оказавшуюся открытой, и заглянула внутрь.

Виолетта лежала на кровати лицом в подушку, свесив руку. На прикроватной тумбочке стоял пустой стакан, на столе – бутылка, тоже пустая. Точно такую бутылку, только с водой, тетя Валя накануне поставила Морозовой под дверь. Рядом валялась упаковка из-под лекарства.

Тетя Валя, забыв об осторожности, подошла к Виолетте и взяла ее за свесившуюся руку. Пульс не прощупывался. Медсестра позвала главврача, тот в свою очередь вызвал по-

лицию.

Полиция не заставила себя долго ждать, сейчас осматривает комнату пострадавшей и опрашивает соседей Морозовой, коими являются ее коллеги. Макса уже опросили.

– Ужасный демон приснился мне: весь черный, белоглазый, – прошептала Кира, – он звал меня в свою тележку... Скажите мне: во сне ли это было?.. Виолетта как будто говорила о своей смерти!

– Кира, у тебя точно нет температуры? – Макс потянулся, чтобы пощупать ее лоб.

К ним подошел молодой мужчина в наброшенной поверх «бомбера» одноразовой защитной накидке и сдвинутой на подбородок медицинской маске.

– Вы у нас кто? Богданова Кира Георгиевна?

– А вы кто? – ответила она из упрямства, хотя догадалась, кто перед ней.

– Капитан Чибис, – Кире сунули в нос раскрытые «корочки». – Мне нужно задать вам несколько вопросов.

Чибис хмуро глянул на Максима, тот отошел.

Следующие десять-пятнадцать минут Кира отвечала на вопросы капитана: давно ли она знакома с Морозовой, как близко, не замечала ли в ней склонности к суициду, в каких отношениях Виолетта была с коллегами... И тому подобное.

– Накануне вечером, во время нашей репетиции, вспыхнула небольшая перепалка, вам о ней наверняка уже известно, – сказала Кира. – Вы только, пожалуйста, ничего тако-

го не подумайте, в творческих коллективах ссоры – обычное дело. Тем более, в таких обстоятельствах...

– Угу, – кивнул капитан Чибис, натягивая маску на нос, – только обычные дела не заканчиваются трупами. А что мне думать, я, с вашего разрешения, сам решу. Вот вам мой телефон, если еще что вспомните – звоните.

Тело Виолетты забрали, полиция уехала.

Вернуться в «камеру», как Кира мысленно называла свою комнату, было выше ее сил, поэтому она осталась в холле. Схожие чувства испытывали, по-видимому, и другие артисты.

– Он выбыл первый из круга нашего, – мрачно произнес Роберт. – Ну, то есть она. Пускай в молчанье мы выпьем в честь его... То есть, ее.

– Ты можешь хотя бы в такой момент не ерничать, паяц бесчувственный? – возмутилась Кира. – Я вообще не понимаю... Как так вышло?!

– По словам главврача, полиция считает, что Виолетта приняла слишком много снотворного, – ответил Ревунов, – растворила в стакане с водой и... Я еще слышал, как они между собой говорили, что на стакане и на бутылке обнаружены только ее отпечатки, поэтому, по их версии, это самоубийство...

– Благодарим за жалобную песнь! – вставил Роберт.

Макс и Лариса на него шикнули.

– Но почему? – не унималась Кира. – Почему Виолетта

покончила с собой? Может, у нее была причина, о которой мы не знаем? А может, – Киру внезапно осенило, – по ошибке? Она жаловалась на бессонницу, обычная доза снотворного ей не помогала, вот и переборщила...

– Похоже на то, – поддержал ее Макс. – Тем более, Виолетта вчера вечером была не в себе, мы все это видели. Но я и подумать не мог, что она... Да и никто из нас не мог подумать.

– Значит, не я один, мы все тут паяцы бесчувственные, – подал голос Роберт.

Ревунов поднялся и, ссутулившись, побрел по направлению к своей комнате. Не проронив ни слова, разошлись остальные.

Выходит, самоубийство... И все-таки... С чего бы пышущая здоровьем и вполне довольная жизнью Виолетта вдруг решила наложить на себя руки? Ошибку исключать нельзя, но маловероятно. А если не ошибка, и не самоубийство, тогда что? Убийство?! Но этого не может быть! Или может?!

От размышлений Киру отвлекла тетя Валя, – медсестра принесла обед.

Кира проворно распахнула дверь.

– Теть Валь, если боитесь, близко не подходите, только ответьте на один вопрос.

– Устала я уже бояться-то, – ответила медсестра, однако переступить порог не спешила. – Спрашивай свой вопрос.

– Что за мужчина в халате и в маске вчера вечером расха-

живал по нашему холлу?

– Мужчина? – тетя Валя задумалась. – Мужчина у нас тут только главврач, Семеныч. Хотя какой он мужчина, одно название... Но Семеныч к вам сюда до сегодняшнего утра ни разу носу не казал... Одна я с вами вожусь, старая дура. А у меня ведь тоже – дети, внуки...

– Спасибо, тетя Валь, поверьте, мы никогда не забудем вашей доброты, – заверила медсестру Кира. – Берегите себя!

«Никто чужой проникнуть в санаторий не мог, – думала она, опустошая принесенные тетей Валею пластиковые емкости. – Значит, Лариса видела кого-то из своих, переодетого медиком. Зачем? Видимо, чтобы...»

Кире требовался совет. Чтобы его получить, нужна была подруга, и такая подруга у Киры была.

Варвара гордилась тем, что ее дальний предок был знаменитым сыщиком в царской России. На этом основании Варвара важничала, иногда изображая из себя «шерлокахолмса» в юбке, когда ее не просили. Хотя советы Варвара умела давать толковые...

Увы! Оказалось, что «абонент вне зоны действия сети».

Жажда поговорить с кем-то понимающим стала нестерпимой.

Оставалась другая подруга, полная противоположность Варвары. Если говорить о смекалке. Зато у Насти раскрученный популярный бьюти-блог, толпа подписчиков, очередь из рекламодателей и безграничный гардероб. Последнее – тай-

ная Кирина зависть.

Сейчас лучше Настя, чем ничего, поэтому Кира набрала номер.

– Насть, привет... Можешь говорить?

– О, Кирик, привет! – голосок Насти звенел, как полагается бьюти-блогерше. – Видела мой последний пост из аэропорта? Ты где – в карантине или играете? Представь, меня засадили на две недели! Я столько успела новинок из Милана притащить! У нас тут все с ума посходили, таксисты хамят. Кирик, представь мужчину, у которого фамилия Фунтиков...

В дверь снова постучали. Кира вздрогнула.

– Кир, можно к тебе? – голосом Макса спросили из-за двери. – Одному как-то неуютно...

– Перезвоню, – Кира отключилась и впустила гостя. – Ты меня напугал. Я как раз размышляла над тем, кто и как мог убить Виолетту.

– Я заинтригован, – хмыкнул Макс. – И как же?

– Снотворное было растворено в воде, правильно? Допустим, убийца – я. Допустим, – с нажимом сказала Кира, видя, как Макс напрягся. – Что я делаю? Ставлю бутылку со снотворным под дверь Виолетты, а ее воду забираю, бутылки-то нам раздают всем одинаковые. То есть, просто подменяю бутылку... Риск, что меня застукают, минимален, но есть. Поэтому я делаю что?

– Что ты делаешь?

– Маскируюсь... Помнишь, Лариса говорила, что столкнулась с женщиной в защитной экипировке? А тетя Валя мне сказала, что никто из персонала, кроме нее, здесь шастать не мог. Выходит, это и был убийца! – торжествующе резюмировала Кира. – Эх, жаль, в этой богадельне нет видеокamer... Мне, правда, пока не ясно, почему в комнате Виолетты в ночь ее смерти скрипели половицы. Она расхаживала – или кто-то другой? Как думаешь, это важно?

– Думаю, тебе, не в артистки, а в писатели надо было податься, – улыбнулся Макс. – Детективы писать. Имела бы успех! А если серьезно, то мне, конечно, во все это верится слабо. Но в жизни иногда случается такое, что ни один писатель не выдумает. А в твоих фантазиях проглядывает логика... Поэтому, если тебе в твоём... хм... расследовании понадобится моя помощь, можешь на меня рассчитывать.

– Спасибо... Что-то пить захотелось, – Кира облизнула пересохшие губы и потянулась за бутылкой минералки. – Как думаешь, они бутылки с мылом моют? Что смотришь на меня, как на умалишенную? Я читала в интернете, что нужно мыть горячей водой с мылом пакеты с кефиром и сметаной, купленные в супермаркете, и вообще все продукты. Прокручивать уличную одежду и обувь в стиралке при температуре девяносто градусов, – от этого, мол, коронавирус гибнет...

– Если стану стирать продукты мылом при девяносто градусах, погибну раньше, чем коронавирус, – сказал Макс. – Мыли они бутылки, или не мыли, какая теперь разница? Да-

же если мыли, Виолетте это, как видишь, не помогло.

– Да уж, – задумчиво протянула Кира. – Пожалуй, попью лучше из-под крана. Мало ли что...

Внезапно она осознала, что они не играют роли, а переживают весь этот ужас на самом деле. Кире стало по-настоящему страшно.

– Слушай, но это ведь кошмар! – ее голос дрогнул.

– Что – пандемия?

– И это тоже. Но в первую очередь то, что кто-то из наших – убийца! У этого человека должны быть веские основания желать Виолетте зла.

– Должны быть, – Макс бережно взял ее холодную руку в свои. – А мы с тобой должны быть осторожны. Думаю, не стоит никому рассказывать о наших подозрениях. Особенно Ревунову.

– Почему?

– Тебе не кажется, что он первый попадает под подозрение? У тебя были причины избавиться от Виолетты? И у меня не было. И у Роберта. Лариса, конечно, ругалась с Морозовой из-за ролей, но не до такой же степени!

– А у Бориса какие могли быть причины? Захотел сменить старую любовницу на новую? Но для этого старую вовсе не обязательно убивать.

– А если у Виолетты был компромат на Ревунова? Что-то очень серьезное? Например, денежные растраты... И она его шантажировала?

– Еще неизвестно, кто из нас двоих больше преуспел бы в написании детективов, – усмехнулась Кира. – Чем гадать-рять, давай лучше пороемся в интернете, авось, нароем что-нибудь интересное...

Макс не возражал. Он недвусмысленно намекнул, что не прочь остаться у Киры до утра, но она его выпроводила. Нашел время и место! И вообще, Кира относилась к консерваторам, считающим, что девушка не должна ложиться в постель на первом свидании. Хотя бы на втором.

Всемирная паутина надежд не оправдала: информации о Ревунове и Морозовой хватало, особенно в светской хронике, которую Кира читала и до знакомства с режиссером. Однако ничто не указывало на причину возможного конфликта между ними. Подтверждения гипотезы о заинтересованности Бориса в смерти Виолетты Кира тоже не нашла. Зато она узнала, кто такой Ванечка Зорин, из-за которого едва не выцарапали друг другу глаза Виолетта и Лариса.

Иван Фомич Зорин работал художественным руководителем одного из Санкт-петербургских театров. В тот же театр восемь лет назад пришел на должность помощника главного режиссера Борис Ревунов. Ровно семь лет назад, в марте 2013 года, Иван Зорин скончался от сердечного приступа... И что из этого следует?

После смерти Виолетты о репетициях не могло быть и речи. Актеры виделись друг с другом преимущественно на балконе, где дышали свежим воздухом. Сразу за санаторием на-

чинался хвойный лес, воздух и вправду хотелось, по выражению Роберта, пить стаканами, особенно после многочасового сидения в душевой комнате.

Ревунов выходил на балкон ненадолго, ни с кем особо не общался, словом, вел себя, по мнению Макса, подозрительно.

Кира, напротив, уже готова была поверить в то, что Виолетта действительно умышленно или нечаянно свела счеты с жизнью. Готова была до следующего утра...

Борис Ревунов пытался бежать из «Ивушки», спустившись с балкона на связанных узлами шторах, но сорвался и разбился насмерть.

Немудрено сорваться, если перед побегом выпить с полбутылки «Jack Daniel's». По словам охранника санатория, наткнувшегося на тело, от погибшего разило за версту...

Вновь прибыл капитан Чибис и опросил актеров.

На встречный вопрос Киры, можно ли считать гибель Ревунова несчастным случаем, капитан ответил отрицательно. Хотя мог напустить туману или сослаться на тайну следствия.

Тем временем Макс считал, что смерти Ревунова и Морозовой – звенья одной цепи. По его мнению, попыткой к бегству Борис подтвердил подозрения о причастности к «само-

убийству» Виолетты.

– Опасался, что его разоблачат и заставят отвечать, потому и бежал! – горячился Макс. – По-моему, это очевидно.

– А давай попробемся к нему в комнату, – неожиданно для самой себя предложила Кира. – Вдруг найдем подтверждения твоей правоты? Тогда мне останется только отдать должное твоей проницательности.

– А ты, оказывается, не только артистка, но еще и авантюристка, – в глазах Макса сквозило восхищение. – Не боишься там наследить? Еще пришьют соучастие в преступлении...

– Мы же не обыск собираемся делать! Слегка осмотримся. Входную дверь, как и дверь комнаты Виолетты, полиция опечатала, но балконная осталась открытой.

Кира и сама не знала, что надеется найти в комнате Ревунова. Заглянула в тумбочку, под кровать, в шкаф...

Бежать Борис собирался явно налегке, прихватил только документы и портмоне. С перил балкона все еще свисали скрученные жгутом шторы...

Какая-то мысль мелькнула в голове, но подумать ее она не успела. Еще и Макс все время торопил, нервный ей попался напарник!

Что именно ее зацепило, Кира поняла позже, когда они с Максом обсуждали итоги вылазки в спокойной обстановке.

– Куртка! – хлопнула себя по лбу Кира. – У Бориса в шкафу висит его куртка. Что ж он, в одном свитере бежать собрался? В марте месяце? Ночью было минус пять...

– Так он же пьяный был! Плохо соображал. Или его в машине за воротами санатория поджидал сообщник, – предположил Макс.

– Взять документы и деньги сообразил же... Сообщник? В чужом городе, где он никого не знал? Если верить информации в сети, Борис в Саратове никогда не был и дружбу ни с кем из местных не водил.

– Нашла чему верить, – фыркнул Макс.

Однако не прошло и трех часов, как версия Киры о том, что Ревунову «помогли» сорваться с балкона, нашла подтверждение.

В роли важного свидетеля вновь выступила тетя Валя. Проникшаяся к Кире симпатией медсестра призналась, что подслушала разговор капитана с птичьей фамилией и главного врача Семеныча.

Оказывается, перед тем, как пьяный Ревунов упал с балкона, он получил по голове огнетушителем. Это подтвердили обнаруженные полицейским экспертом на затылке жертвы частицы красной краски. Ударили для гарантии, так сказать. А то ведь при падении с третьего этажа мог и не разбиться...

Получается, побег был инсценировкой, заключила Кира. Сакраментальный вопрос: чьей? Интуиция подсказывала ей, что у «самоубийства» Морозовой и «побега» Ревунова один и тот же «творческий почерк».

Она решила предпринять еще одну попытку поискать

причины этих двух преступлений в прошлом. Молодые актеры ЭТА познакомились с Борисом и Виолеттой недавно, а вот Лариса Горбенко знает обоих давно и, судя по всему, не только с хорошей стороны.

Лариса была навеселе и не пыталась это скрыть. Стратегические запасы алкоголя у опытных актеров не кончаются, как детские утренники.

– О, Кирочка! – Лариса расплылась в улыбке. – Заходи! Коньячку хочешь? Нет? Зря... Лучшее лекарство от депрессии... Даже лучше снотворного...

Делиться с ней подозрениями Кира, естественно, не собиралась. Но быка следовало быстрее брать за рога. Иначе бык – точнее, трепетная лань – может, чего доброго, отрубиться раньше, чем Кире было нужно.

– Лара, как думаешь, кто виноват в смерти Виолетты и Бориса? – напролом пошла Кира.

– Фатум! – мотнула головой Лариса. – Его величество злой рок...

– Погоди, но ведь не фатум довел Виолетту до самоубийства. И Бориса вывел из душевного равновесия...

– Я тебя умоляю! Эта сладкая парочка сама кого угодно могла довести до чего хочешь... Но – тс-с-с! О покойных или хорошо, или ничего...

– О мёртвых – либо хорошо, либо ничего, кроме правды, – не удержалась Кира. – До нас дошел сокращенный вариант.

– Да? Не знала, – Лариса икнула. – Ой, прости...

– А что за история с Иваном Зориным, о котором ты вспомнила во время репетиции?

– Печальная история, – Лариса подперла кулачком подбородок. – Очень печальная... Мы работали в одном театре: Ваня, я и Виолетта... Ваня, добрая душа, помог устроиться в наш театр помрежем человеку, который вначале на всех перекрестках рассказывал, как он Ване благодарен, и какие они друзья, а потом начал Ваню подсиживать. Не гнушался ничем: ни сплетнями, ни доносами, ни травлей... А Виолетта, с-су... стерва, ему помогала. Уж не знаю, чем он так ее обаял. Ваня не сдавался, он же отдал нашему театру много лет. Но страдал. Вот сердце и не выдержало. А ведь Ванечке еще и полтинник не стукнул. Сказать, как звали мерзавца, который свел Ваню в могилу? Вижу, ты догадалась. Верно, его звали Борис Ревунов.

– А у Зорина остались дети?

– По-моему, нет... Кстати, о детях, – глаза Ларисы наполнились слезами. – Я ведь от Борьки аборт делала. Он заставил. Тогда уже волочился за Виолеткой. Врачи сказали, детей у меня больше не будет. Так что у меня с ним свои счеты.

– Лара, если он такая скотина... был, чего же ты согласилась играть в его антрепризе?

– Деньги хорошие предложил. С паршивой овцы, как говорится, хоть шерсти клок. Сама знаешь, нам, актрисам второго плана, выбирать не приходится... Хотела на Бали после гастролей съездить. А тут, видишь, какое Бали нам всем

устроили, – Лариса грязно выругалась.

Кира еще немного посидела и пошла к себе.

– Безбожный пир, безбожные безумцы! – пробормотала Лариса ей вслед.

Макс, которому Кира вкратце передала свой разговор с Ларисой, заявил, что «актриса второго плана» пытается отвести подозрения от себя самой. С этой же целью выдумала мужика в маске и халате, которого на самом деле не было.

– У нее были основания мстить Морозовой и Ревунову! – резонно заметил Макс.

Кира излишне резко возразила, Макс обиделся и ушел к себе.

«Хорошо, предположим, Морозову отравила Лара, – размышляла Кира, оставшись одна. – А Ревунова огрела огнетушителем по голове и с балкона сбросила тоже она? Да у хрупкой Ларисы на такое элементарно не хватило бы сил. А если с Виолеттой расправился один убийца, а с Ревуновым – другой? Вряд ли. Скорее всего, оба преступления совершил один человек. А его мотив?»

Кира снова полезла в интернет, который страшно тормозил, приводя в бешенство. Приходилось из последних сил сдерживаться, чтоб не швырнуть телефон в стенку. Зато она нашла информацию о том, что у Ивана Зорина было двое

племянников, мальчик и девочка, которых Зорин после гибели их родителей в автокатастрофе воспитывал, как родных детей...

К вечеру Кира хотела одного: чтобы этот дурной спектакль быстрее закончился.

Ночью ей снова не спалось. Что рекомендуется делать, чтоб быстрее уснуть? Считать овец? Ну те-с, попробуем.

Одна овца, вторая, третья... семнадцатая... тридцать пятая... сорок шестая... Чушь какая-то. Что за баран придумал считать овец, чтобы быстрее уснуть? Уснешь тут, если нервы натянуты, как струны. Вот-вот зазвенят... Обострившийся слух ловит каждый звук, каждый шорох... Шорох? Что-то зашуршало на балконе.

Боже, там, кажется, кто-то крадется!

В луче света от фонаря мелькнул силуэт, по занавеске скользнула тень... Со щелчком повернулась ручка балконной двери...

Почему она не заколотила эту чертову дверь наглухо?! Душно ей, видите ли, было! Потерпела бы! А теперь...

– А-а-а-а! – завопила Кира, вскакивая, чтобы выбежать в коридор.

В дверях она столкнулась с Максом, очевидно, прибежавшим на ее крик. Вспыхнул верхний свет, и они увидели замершего на пороге балконной двери Роберта.

Макс в два прыжка пересек комнату и заехал ему в ухо.

– Зачем ты к ней залез? Хотел изнасиловать? А может,

убить?! Вслед за Виолеттой и Борисом?! Чтобы она не докопалась до истины? – сыпал вопросами Макс, тряся Роберта, словно грушу.

– Ты что, с ума сошел? Я ничего плохого не хотел! Только поговорить! – вяло отбивался Роберт. – Я же не знал, что она это... с тобой...

– Не ври! – лютовал Макс. – Зачем ты их убил? На почве личной неприязни? Кира, а у него в комнате ты улики поискать не хочешь? А вдруг найдем?!

Он схватил Киру за руку и потащил в комнату к Роберту. Там Макс рывком вытащил из-под кровати чемодан и стал выкидывать из него вещи.

Кира и Роберт за ним наблюдали. Ногой отпихнув чемодан, Макс бросился шарить за шкафом.

– Есть! – вскрикнул он. – Ну? Что вы теперь скажете?!

В руках у Макс держал смятые в комок белый халат и шапочку.

– Это не мое, впервые вижу! – взвизгнул Роберт. – Мне подбросили! Я никого не убивал!

– Кира, мне кажется, все ясно. Надо вызвать полицию, пусть разбирается с этим, – Макс кивком указал на Роберта.

– Давай подождем до утра, всего пару часов, – попросила Кира. – В санатории усилили охрану, мышь не проскочит, не то, что Роберт. О, чуть не забыла. Ну, у тебя и реакция. Я закричать не успела, а ты уже подоспел...

– Долго ли умеючи, – усмехнулся Макс.

Уснуть Кира даже не пыталась. Ей казалось, что она почти раскрыла двойное убийство.

«В действительности все иначе, чем на самом деле», – говорил Станислав Ежи Лец и был прав.

Чтобы проверить свою догадку, Кира снова попробовала вжиться в роль убийцы.

Он не планировал преступления заранее. Поэтому использовал подручные средства: снотворное, которое имелось почти у всех членов трупы, огнетушитель, висящий в коридоре... Разжиться в санатории халатом и маской тоже не было проблемой. Возможно, преступник даже не знал, что судьба сведет его с людьми, которых он винил в смерти родного человека. Но, если свела, не смог упустить шанс отомстить.

Что он сделал? Для начала закутался в медицинский халат «от шеи до пят», как выразилась Лариса. Высокому Роберту халат был бы по колено. Но убийцей был человек среднего роста... Дальше... Дальше подменил бутылки с водой. Глубокой ночью зашел в комнату к Виолетте, чтобы инсценировать ее самоубийство – подбросить пустые упаковки от таблеток. Вот откуда скрип половиц!

Вторую инсценировку он провернул в комнате Ревунова. Сам ли Борис напился, или его напоили, – неизвестно. Точно известно, что убийца совершил ошибку, забыв надеть на мнимого беглеца куртку. Зато не забыл сунуть ему в карман паспорт и кошелек, которые Борис держал в тумбочке.

С непростой задачей перебросить грузного Бориса через перила тоже справился...

Осталось найти в интернете фото Зорина с его племянниками.

Не без труда, но Кире это удалось. На снимке, сделанном после какой-то премьеры, все трое стояли, обнявшись, и выглядели счастливыми. Узнать в кареглазom подростке взрослого мужчину было трудно, но можно.

Еще час Кира терзалась сомнениями. Она хорошо представляла, что испытывал подросток, видя, как мучается его дядя. Дядя, заменивший мальчику и его сестре отца. И что чувствовали дети, второй раз оставшись сиротами. Но... Но никто не имеет права лишать жизни другого человека, какой бы мразью тот человек ни был. А убийца еще пытался подставить невинного, подбросив халат и шапочку...

Посреди ночи Кира позвонила Чибису и попросила срочно приехать. Капитан не смог отказать.

– Что-то зачастил я к вам, – заявил он ей, зайдя к ней в номер. – Что на этот раз? Третье убийство? Или ограничились покушением? Не знаю уж, что и думать!

– Я вам кое-что расскажу, – сказала Кира. – А что думать, решите сами.

Когда тетя Валя принесла завтрак, застала Киру в слезах.

– Он же мог и меня убить! – сквозь рыдания выговорила девушка.

Санитарка воздержалась от объятий.

– Кто, вирус-то? Снова новостей по телевизору посмотрелась? – по-матерински спросила тетя Валя. – Ну, все под богом ходим. Да не переживай так! Ты молодая, здоровая, скоро отсюда выпустят, домой поедешь. Родные-то, наверное, уже заждались? Мы многое пережили, и это как-нибудь переживем. Уж поверь мне...

...При обыске полиция обнаружила спрятанные в комнате перчатки со следами красной краски, идентичной краске на огнетушителе. Не успел от них избавиться – или не захотел? Кто его знает, творческую личность... Этой ночью Макс исчез из «Ивушки».

Чибиc обещал достать его даже из-под земли. Не дожидаясь окончания пандемии.

3 серия. Евгения Ветрова «Не совершай ошибку»

«Всем привет. Я вернулась. Дом, милый дом. Завтра порадую вас новиночками из Милана, а сегодня мне надо отдохнуть. Перелёт был тяжёлый. Долго маршировали в аэропорту. Заставили подписать кучу бумажек, снимали видео, что мы всё получили и предупреждены об ответственности. Никогда ещё не чувствовала себя почти преступницей. Ну всё, дорогие мои подписчики, увидимся завтра!»

Настя ещё раз перечитала пост, наставила в нужных местах эмодзи и нажала кнопку «опубликовать».

Чемодан так и стоял, забытый у порога. Разбирать его не было сил. Она и правда устала. Устала и расстроилась: Борис в аэропорт не приехал. Сообщение, отправленное ещё, когда она садилась в самолёт, догнало её только на выходе из салона. Там, на площадке телетрапа, стояли люди в масках и перчатках, собирали у пассажиров анкеты, которые им велели заполнить стюардессы, и давали подписать какое-то грозное постановление, что они обязаны просидеть на карантине две недели. Но по сравнению с разочарованием от того, что она не увидит Бориса, это показалось сущей ерундой.

Беда Насти состояла в слишком богатом воображении. Картинки, которые рисовались ей, не всегда совпадали с дей-

ствительностью. Она-то уже видела, как выбежит в зал ожидания, бросит чемодан и кинется на шею любимому, а он подхватит её на руки, и будет кружить, кружить, кружить...

Эта сцена, как из какого-то фильма, так и стояла у неё перед глазами. И хорошо, чтобы кто-нибудь снимал их в этот момент – это было бы великолепное фото, а ещё лучше видео. Жаль только, что Борис не желал становиться объектом Настиных постов, и ещё в самом начале их отношений поставил условие – никаких совместных фото в интернете.

Ну, и пусть. Настя вполне успешно справлялась с нелёгким бременем бьюти-блогерства и так.

Выпить бы чаю, горячего сладкого чаю. С шоколадкой. И жизнь наладится. Но шоколадки в холодильнике не нашлось.

Огорчение было столь велико, что Настя чуть не заплакала. Мало того, что Борюсик подвёл, и таксист нахамил, так ещё и шоколадки нет.

Воспоминание о таксисте вызвало волну раздражения. Вредный дядька заломил цену и вдобавок в приказном тоне велел садиться на заднее сиденье.

Нет, Настя и сама бы села именно туда, не хватало ещё в дороге отвечать на глупые вопросы водителя: «Откуда едете? Как там за границей?». Но этот таксист, похоже, вопросов задавать не собирался, и, вообще, в его хмурых глазах над одноразовой маской сквозило некое неодобрение и даже злость.

Он поставил её чемоданы в багажник, и, прежде чем сесть

за руль, снял и выкинул в урну тонкие резиновые перчатки. И только тут Настя, кажется, поняла: таксист ею брезгует, и ею, и её багажом и, вообще, если бы не нужда в заработках, ни за что не повёз пассажирку, прибывшую из «чумной» за- границы.

Кипя от негодования, она тут же в такси опубликовала пост про таксиста, который *«ах, как боится заразиться»*, и наставила весёлых смайликов.

Вообще, за несколько дней, пока она добиралась домой, рейтинг её канала значительно вырос. Настя тщательно фиксировала все свои передвижения по Милану, проблемы с которыми пришлось столкнуться, показывала опустевшие улицы. Подписчики сочувствовали, слали слова поддержки, сердечки и поцелуйчики.

«Настюша, мы тебя любим. Возвращайся скорее...», – и всё в таком духе.

«Вот действительно, что ни делается, всё к лучшему», – думала Настя, глядя на растущий, как на дрожжах, рейтинг канала. Борис мог бы ей гордиться. Борис... Почему же он не встретил?

Короткое сообщение: *«Малыш, прости, не смогу приехать. Форс-мажор»*, выбило её из колеи. И спросить не у кого. Она набрала его номер ещё там, в аэропорту, но Борис звонок сбросил. Больше она не рисковала. Он мог быть на совещании или на важных переговорах, и ей бы потом влетело за эти звонки.

А вдруг он заболел? Да ну. Борис помешан на здоровье. Настя тоже старалась есть только правильную пищу, вести правильный образ жизни и всё делать правильно-правильно. Ну, разве шоколадку позволяла из запрещённого. Но может же у неё быть всего одна маленькая слабость?

Чай пришлось пить пустой, отчего он казался горьким, как её настроение: Борис так и не позвонил.

Участковый Фунтиков любил свою работу, пусть это и казалось странным окружающим, и даже иногда ему самому. А ещё он любил порядок и на своём участке поддерживал его всеми доступными способами.

Жил Фунтиков один, если не считать канадского сфинкса Дугласа. Тёзка американского актёра достался ему от девушки Виктории, с которой Фунтиков сожительствовал последние полгода, и даже подумывал о женитьбе. Но Виктория не выдержала высоких требований Фунтикова к порядку и сбегала куда-то на йогические практики в Индию, сначала на месяц, а потом навсегда.

Дуглас был неприхотлив, всеяден, и порядок не нарушал, чем совсем не походил на свою хозяйку. За что Фунтиков кота уважал и даже немного любил. По ночам Дуглас забирался к Фунтикову под одеяло и прижимался к рёбрам жарким тельцем. Иногда Фунтикова посещала мысль о ненор-

мальности ситуации: как-то странно, что здоровый тридцатилетний мужик спит с котом – сказать кому, смеха не обещаюсь. Правда Дуглас так искренне радовался его приходу, тёрся об ноги и тархтел громче холодильника «Саратов» на родительской даче, что Фунтикова пробивало на умиление. Он подхватывал кота на руки и нёс на кухню. Там Дуглас забирался ему на плечи и сидел, посматривая, как хозяин ставит на плиту чайник, разогревает сковородку и шлёпает на неё сочные куски отбивных.

Потом садились ужинать. Дуглас, собрав кожу на голове в причудливые складки, старательно грыз свою порцию мяса. Помня, что котам человеческая еда не слишком полезна, один кусок Фунтиков не солил и не дожаривал. Кот ел с благодарным урчанием.

Этим утром Фунтиков зашёл в отделение, где дежурный вручил ему ориентировки и список лиц, прибывших из-за границы, подлежащих строгому карантину.

Фунтиков пробежал глазами ряд адресов, тут же выстраивая в голове удобную схему передвижения по району. Он любил экономить время и силы.

Длинные звонки выдернули из полудрёмы, в которой Настя пребывала, провалявшись полночи без сна. Она открыла глаза, зажмурилась от яркого света, пробившегося из-за

неплотных штор. Звонивший не оставлял попыток увидеть хозяйку дома.

«Борис!» – озарило её.

Настя вскочила, кинула на себя быстрый взгляд в зеркало: лохматая и заспанная, под глазами тени. Ничего, так даже лучше: пусть почувствует свою вину. Она потянулась за халатом, но передумала и накинула сверху плед: его всегда можно эффектно сбросить на пол и остаться перед ним в одной маечке на тонких бретелях. С этой мыслью она распахнула дверь.

Человек на лестничной площадке меньше всего походил на мужчину её грёз. Во-первых, он был в форме полицейского, во-вторых, в медицинской маске, а когда он, не дожидаясь приглашения, прошёл внутрь, то обнаружилось, что ещё и в перчатках.

– Участковый уполномоченный капитан Фунтиков, – представился незванный гость и протянул удостоверение, которое, впрочем, так же быстро исчезло обратно в кармане. – Коржуйева Анастасия Валерьевна?

Настя кивнула и плотнее завернулась в плед, который так и норовил слезть с плеча.

– Проживаете одна? – Участковый огляделся по сторонам, не делая, впрочем, попытку пройти дальше. – Где работаете?

– Какое это имеет значение? – опомнилась она.

– Большое. Вы должны оповестить начальство, что находитесь на карантине.

Настя фыркнула.

– Не беспокойтесь, я не работаю.

– Почему-то я так и подумал.

Его взгляд остановился на чемодане возле вешалки. Дизайнерское чудо от известного на весь мир бренда было подарено Борисом, стоило совсем уж неприличных денег и подчёркивало это всем своим видом. Полицейский явно не одобрял ни чемодан, ни Настю.

– Я работаю на дому, – зачем-то принялась объяснять она. – Веду блог.

Глаза участкового закатились. Нет, конечно, его усмешку, спрятанную под маской, она видеть не могла, но прекрасно вообразила и разозлилась. Зачем что-то объяснять этому неандертальцу? Здоровый и явно не обременён интеллект-том.

– Это всё? – с вызовом спросила она, выставив вверх подбородок.

– Почти, – он снял форменное кепи, под которым обнаружился простейший полубокс, явно выполненный руками дешёвого парикмахера.

Настя снисходительно улыбнулась. Участковый сверкнул на неё серыми глазами, потёр лоб и водрузил головной убор на место.

– Гражданка Коржуева, должен предупредить вас, что за нарушение режима карантина, может быть наложен денежный штраф.

– А... если мне понадобится еда или лекарства?

– Закажете с доставкой на дом. Предупреждаю, буду приходить с проверкой. И часто. Так что не совершайте ошибку – оставайтесь дома. Всего хорошего.

Участковый вышел, оставив Настю в странных чувствах.

Этот Фунтиков вполне себе молодой мужик, явно не среагировал на неё, как на женщину. Что это?

Настя ещё раз посмотрела на себя в зеркало. Ничего нового не увидела. Она вела быоти-блог уже два года и знала на своём лице не только каждую морщинку, которых было не так много, во всяком случае, пока, но и каждую пору. Настя прекрасно знала, как взмахами кисточки из любой старой девы сделать вполне себе привлекательную даму «немного за тридцать и с надеждой выйти замуж за принца». Самой Насте до третьего десятка было ещё жить и жить, целых три года – почти вечность.

– Да просто болван какой-то! – вслух сказала она и попле-лась на кухню.

Пока закипал чайник, Настя просматривала сообщения, борясь с желанием набрать номер Бориса.

Нет, она ни за что не позвонит первая. Это он подвёл её и должен почувствовать раскаяние.

Она зашла в комментарии на своём канале и чуть вздрогнула. Кто-то оставил гневный отзыв под её постом про таксиста.

«Как вам не стыдно! Человек просто выполняет свою ра-

боту. А вы не подумали, что у него дома семья, которую он не хочет заразить?»

Чуть ниже обнаружился ещё один, не менее пакостный.

«Вам плевать, что ему после вас салон дезинфицировать придётся? Скажите спасибо, что, вообще, повёз».

Таких постов нашлось не меньше десятка.

Настя выключила планшет. Что-то странное с людьми творится. Она набрала номер Даши.

– Привет, – откликнулась Даша. – Прилетела? Нормально? Дома заперли? Ага. Я чудом проскочила. Вернись на неделю позже, тоже бы сейчас куковала. Хотя всё равно скука смертная. Всё закрыто, пойти некуда. Все друзья на карантине, не пойду же я к ним. Вдруг, правда, заразные.

– То есть ко мне не приедешь? – уточнила Настя. – Не ты ли говорила, что никакой эпидемии нет?

– Извини, верю – не верю, а бережёного бог бережёт.

– А меня Борис не встретил, – пожаловалась она.

– Понятное, дело. Ему потом тоже на карантин садиться придётся. А он же у тебя кто сейчас?

– Начальник отдела продаж, – буркнула Настя, думая, неужели Даша права, и истинная причина того, что Борис не встретил её, была именно в страхе заразиться?

– ...Толика помнишь? – продолжала Даша. – Застрял на Гоа, пишет оттуда какие-то ужасные вещи. Зайди на его канал, посмотри. Но зато рейтинг растёт. У других, наоборот, всё сыплется. У тебя-то как?

– Да ничего пока, лучше чем могло бы быть, – похвасталась Настя.

– Ну-ну, – со странной интонацией отозвалась Даша и быстренько распрощалась.

С Дашей они были не то подруги, не то конкурентки по блогосфере. Обе одновременно завели свои каналы и теперь негласно соперничали: у кого подписчиков больше, у кого рейтинг круче. Иногда они даже ссорились. Настя неоднократно ловила Дашу за воровством своих идей. На что та отвечала, мол, идеи носятся в воздухе и украсть их нельзя. Когда Настя придумала разыгрывать среди подписчиков наборы косметики и быстро набрала необходимое для монетизации число просмотров, Даша пошла ещё дальше – стала разыгрывать деньги. Изящно и просто.

Насте это казалось примитивной накруткой. Даша же считала упрощением процесса:

«Какая разница, отправишь ты подписчику палетку с тенями или кинешь на карту тысячу рублей? Последнее, кстати, в разы проще».

Настя в душе соглашалась, но всё равно негодовала.

В целом, дружба их носила необременительный характер. И всегда есть с кем поговорить о том же Борисе, например, и с кем посидеть в кафе с бокалом Просекко.

Разговор с Дашей оставил странное чувство, словно подруга хотела что-то сказать, но передумала. И Борис так и не позвонил.

Небольшая разминка и дыхательная гимнастика привели её в равновесие. Но ровно до того момента, когда выяснилось, что кофе тоже закончился.

Так. Сейчас она закажет себе всё необходимое. Приведёт голову и мысли в порядок и подумает, как быть дальше. А ещё лучше будет – позвонить Варе или Кире, школьным подругам. Они хоть и шли по жизни разными путями, но отношения поддерживали. С годами дружба не только не закончилась, но даже укрепилась.

Правда, виделись они не часто. Так уж получалось. Вот даже с Варварой не удалось в Италии пересечься, а ведь она оказалась в Милане в тоже время, что и Настя. Они списывались, собирались провести немного времени вместе, но Настя закрутилась по бутикам и не успела. А потом началось то, что началось, и стало не до посиделок в кафе.

Вообще-то, дружить с Варварой было трудно. Еще в школе она отличалась изрядным занудством, что выводило легкомысленную Настю из себя. Они даже несколько раз «раздружились» навсегда, и Кире пришлось их мирить.

Кира – вот с кем было легко и удобно. Как с младшей сестрой. Кира с детства бредила сценой, и мечту свою осуществила: играла в театре и «подавала большие надежды», по словам режиссеров. И Кира, в отличие от Варвары, Настиным блогом восторгалась и с радостью принимала подарки «с барского плеча»: косметику, которую коробками завозили рекламодатели, и другие модные штучки.

Даже небольшая беседа с подружками могла бы сейчас вернуть Насте душевное равновесие. Да вот беда: обе они оказались вне зоны доступа. Как обычно, когда были так ей нужны.

Ноутбук пискнул.

«Ваш заказ будет доставлен в течение двенадцати часов. Спасибо за понимание», – выскочила перед ней надпись на экране сайта службы доставки.

Чего? Глазам не поверив, Настя ещё раз перечитала сообщение. Двенадцать часов ждать пока ей привезут кофе? Да она тут с ума сойдёт.

Настя подошла к окну. По улице медленно шла пожилая пара, поддерживая друг друга под локоток, у обоих лица закрыты самодельными повязками. В руках по пакету с продуктами. Мужчина остановился перевести дух, женщина терпеливо ждала. Потом побрели дальше. Вот даже старички и то по магазинам ходят, хотя кругом призывают: «Оставьте дома». Что случится, если она быстренько сбегает за продуктами? Только вот маски у неё нет, и, говорят, их, вообще, нигде нет.

Блестящая идея пришла в голову тут же. Настя порылась в шкафу, нашла платочек, приладила его на лицо вроде ковбойской повязки и осталась довольна.

Вскоре она уже выбирала в мини-маркете необходимые продукты. Не забыв сделать фотографию возле полки с кофе. *«Партизанскими тропами иду за любимым напитком!»* –

гласила надпись под тут же опубликованным постом.

Фунтиков выполнял рутинную работу, обходил территорию, писал отчеты и периодически мысленно возвращался к девице, которую пришлось навестить утром.

В том, как она распахнула дверь и чуть ли не кинулась ему на шею, было что-то задевающее его сознание.

Ну да, конечно, она ждала не его. А он бы хотел, чтобы кто-то вот так же распахивал дверь ему навстречу. Но Виктория вечно сидела, то в какой-то асане, то в медитации, то слушала лекции всяких гуру. Эта Коржуйева, тоже что-то вещает по интернету, изрекает умные в кавычках мысли.

Даже не залезая в соцсети, Фунтиков готов был поспорить, что та несет полнейший бред. Но всё же зашёл. И нашёл.

Как он и думал, канал ни о чём. Косметика такая, косметика всякая. А вот вам видосик, дорогие подписчики, как нанести вечерний макияж, а вот вам видосик, как убрать тени под глазами, если вы всю ночь пили мохито и танцевали под Леди Гагу. Тьфу!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.